

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ДІАВОЛО

КРОВАВОЕ НАСЛЕДИЕ

Л Е Г Е Н Д Ы Б Л І З З А Р Д

РИЧАРД А. КНААК

Diablo

Ричард Кнаак

Кровавое наследие

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821.111(73)- 312.9
ББК 84 (7Coe)- 44

Кнаак Р. А.

Кровавое наследие / Р. А. Кнаак — «Издательство АСТ»,
2001 — (Diablo)

ISBN 978-5-17-135528-9

Никто не может знать наперёд, куда заведут его поиски таинственных сокровищ. Никто не может быть уверен в том, что удачно преодолел все препятствия на своём пути в пещерах, полных магических ловушек. Вряд ли об этом задумывался Норрек Вижаран, когда в компании двух своих друзей нарушил покой гробницы в поисках несметных богатств. Знал ли он тогда, что тот, чей сон так бесцеремонно потревожили, ещё напомним о себе? Ведь хозяин гробницы – могущественный Бартук, легендарный Кровавый Полководец, – спрятал здесь самое ценное, что у него было, – магические доспехи, жаждущие крови. Это «кровавое наследие» и досталось Норреку. Теперь он может стать властелином целого мира! Но вот захочет ли поддаться дьявольскому искушению? Будет ли он преемником Кровавого Полководца? Его выбор поистине не прост, стать спасителем человечества или же олицетворением ада на земле.

УДК 821.111(73)- 312.9
ББК 84 (7Coe)- 44

ISBN 978-5-17-135528-9

© Кнаак Р. А., 2001
© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ричард Кнаак

Diablo: Кровавое наследие

Richard A. Knaak
Diablo: Legacy of Blood

© 2022 by Blizzard Entertainment, Inc.

Все права защищены.

Legacy of Blood, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

* * *

Ужасаясь все больше и больше...

...полуобезумевший солдат, шатаясь, поднялся на ноги. Вокруг маячили высокие холмы, можно даже сказать – горы, небо едва тронули первые рассветные лучи. Местность совершенно незнакомая. Ни одна из этих возвышенностей даже отдаленно не напоминает пик, внутри которого друзья нашли гробницу Бартука. Норрек неуклюже шагнул вперед, пытаясь восстановить равновесие и сориентироваться.

Каждое движение сопровождал тревожный скрежет.

Норрек опустил глаза и обнаружил, что не только его руки облачены в металл.

Доспехи. Куда ни кинь взгляд, Норрек видел лишь одинаковые кроваво-красные металлические пластины. Он думал, что увиденное им только что по ужасу не сравнится ни с чем, но один лишь вид собственного тела едва не поверг повидавшего всякого солдата в полнейшую панику. Руки, грудь, ноги – все скрылось под темно-красными латами. Какая нелепость – Норрек вдобавок обнаружил, что влез в древние, но вполне прочные кожаные сапоги Бартука.

Бартук... Кровавый полководец. Бартук, чья черная магия, очевидно, спасла беспомощного солдата ценой жизнью Сэдана и мага.

Моему брату Вину – в нас живет одинаковый дух творчества

Глава 1

Череп одарил троицу кривой ухмылкой, словно радостно приглашая присоединиться к нему в вечности.

– Похоже, мы не первые, – пробормотал Сэдан Трист.

Покрытый шрамами жилистый боец постучал по черепу ножом, вынуждая бесплотного – в буквальном смысле – часового содрогнуться. Зрелище, конечно, было жутковатое – копье пронзило голову предшественника, оставив его болтаться у стены, как прищипленную булавкой муху, пока время, поработав над телом, не обрушило на пол беспорядочной грудой все, кроме черепа.

– А ты на что рассчитывал? – прошептал высокий человек в мантии с капюшоном. Если Сэдан выглядел худощавым и гибким, как акробат, Фаузтин казался высохшим, словно мумия. Маг-визджерей призраком скользнул к черепу и тоже дотронулся до него – одним пальцем руки в перчатке. – Нет, никакого колдовства тут нет. Грубая, абсолютно механическая работа. Бояться нечего.

– Разве только того, что твоя голова окажется на следующем копье.

Маг подергал жиденькую седую бородку. Веки на миг прикрыли чуть раскосые глаза мага, словно он соглашался с последним утверждением спутника. Лицо Сэдана напоминало мордочку не заслуживающей доверия пронырливой ласки (впрочем, и характером он очень напоминал этого зверька), Фаузтин же больше походил на престарелого кота – постоянно дергающийся нос-кнопка и свисающие под ним усы лишь усиливали сходство.

Ни тот, ни другой не обладали безупречной репутацией, но Норрек Вижаран любому из них доверил бы свою жизнь – как уже не раз и случалось. Присоединившись к товарищам, бывалый солдат взгляделся в почти безбрежную тьму огромных покоев. К этому времени они исследовали уже семь разных уровней и обнаружили, что они напрочь лишены настоящих опасностей – там были лишь примитивные ловушки.

К тому же не отыскалось и никаких сокровищ – жуткое разочарование для крохотной компании.

– Ты уверен, что здесь нет чародейства, Фаузтин? Совершенно нет?

Кошачьи черты полускрытого капюшоном лица сморщились в снисходительной гримасе. Широкие плечи его объемистого плаща придавали Фаузтину зловещий, почти сверхъестественный вид, особенно когда он возвышался над мускулистым, отнюдь не низкорослым Норреком.

– Стоит ли спрашивать, друг мой?

– Но ведь это же просто абсурд! Не считая пары смешных и жалких ловушек, мы не встретили ничего, что помешало бы нам добраться до главных покоев! Зачем же было так возиться, выкапывать все это, а потом оставлять пространство почти незащищенным!

– Я бы не назвал паука размером с мою голову *примитивной* ловушкой, – кисло перебил Сэдан, с отсутствующим выражением лица приглаживая свои длинные, но редкие черные волосы. – Особенно когда он сваливается на эту самую *мою* голову...

Норрек не стал обращать на него внимания.

– Разве это я предвкушал? Мы что, опоздали? Неужто повторяется история Тристрама?

Как-то раз, в перерыве между службой наемниками, они охотились за сокровищами в маленьком, но очень беспокойном поселении под названием Тристрам. По легенде, там, в логове, охраняемом демонами, лежали бесценные богатства, способные сделать королями тех счастливых, кому повезет выжить и отыскать их. Норрек с друзьями совершили путешествие туда и в самый гиблый час ночи вошли в лабиринт, ничего не зная о тех, кто населяет его...

И вот, после всех усилий, после сражений с разномастными тварями, едва избежав смертельных ловушек... троица обнаружила, что кто-то другой уже постарался на славу, вынеся из подземных катакомб все хоть сколько-то ценное. Только вернувшись в поселение, охотники за наживой узнали горькую правду – всего несколько недель назад в лабиринт подземелий спустился великий герой и, как говорят, покончил с ужасным демоном Дьябло. Он не взял ни золота, ни драгоценностей, но другие искатели приключений, прибывшие чуть погодя, воспользовались плодами трудов победителя, встретившись с куда меньшими опасностями. Они-то и вынесли все, что смогли найти, не оставив троице неудачников ничего, что могло бы оправдать затраченные ими усилия. Какая-то пара дней...

Норрека совершенно не утешили слова одного поселянина, явно в не особо здравом рассудке, которые тот произнес, когда охотники уже собирались уходить. Крестьянин сказал, что тот самый победитель, коего называли Странником, скорее всего не уничтожил Дьябло, а ненадолго дал волю коварному злу. На вопросительный взгляд, брошенный Норреком на Фаузтина, визджереи ответил равнодушным пожатием плеч.

– Вечные истории о сбежавших демонах и страшных проклятиях, – добавил Фаузтин позже презрительным голосом, явно не воспринимая безумное предостережение всерьез. – Здешний народец издавна перешептывается о всякой нечисти, пугая друг дружку, а уж Дьябло – их излюбленная тема.

– А ты не думаешь, что в этом что-то есть?

Норрека еще ребенком старшие стращали байками о Дьябло, Баале и прочих ночных монстрах, предназначенными для того, чтобы мальчик рос послушным.

Сэдан Трист фыркнул:

– А ты когда-нибудь видел демона своими глазами? Или знаешь кого-нибудь, кто видел?

Нет, Норрек не видел и не знал.

– А ты, Фаузтин? Говорят, вы, визджереи, способны призывать демонов и заставлять их исполнять свои повеления.

– Если б я умел это, полагаете, стал бы я обшаривать пустые лабиринты и разворовывать гробницы?

Слова мага как ничто другое убедили Норрека в том, что расписанная во всех красках история селянина всего лишь очередная небылица. Впрочем, убеждать особо и не нужно было. В конце концов, единственное, что имело значение для них троих, – это богатство.

К сожалению, кажется, – и чем дальше, тем больше, – и на этот раз сокровища ускользнули от них.

Пока Фаузтин вглядывался в проход, его рука в перчатке покрепче стиснула волшебный посох. Драгоценный набалдашник – источник света для троицы искателей сокровищ – вспыхнул ярче.

– Я надеялся, что ошибаюсь, но теперь, боюсь, все так и есть. Мы далеко не первые, кто проник в эти глубины.

Заработавший седину в боях Норрек выругался сквозь стиснутые зубы. На своем веку он послужил под начальством многих командиров, в основном участвуя в крестовых походах Вестмарша, и, выйдя живым из стольких кампаний – причем не раз судьба его висела на волоске, – пришел к одному-единственному заключению. Никому в этом мире не стоит и пытаться возвыситься без денег. Он дослужился до капитана, был трижды понижен в звании и наконец, после последнего разгрома, с досадой бросил службу.

Война стала жизнью Норрека с той поры, как он повзрослел настолько, что мог поднять меч. Когда-то у него была семья, но теперь они все мертвы, мертвы, как и его идеалы. Он все еще считал себя приличным человеком, но порядочностью брюхо не набьешь.

И Норрек решил, что должен быть другой путь...

И вот он с двумя товарищами отправился на поиски сокровищ.

Как и Сэдан, он был отмечен шрамами, но внешность Норрека, тем не менее, вполне подошла бы любому простому крестьянину. Большие карие глаза, широкое, открытое лицо, крепкая квадратная челюсть – ему бы грядки мотыжить. Иногда это видение – домик, огород – возникало перед мысленным взором, но боевой ветеран знал, что за землю надо платить золотом. И вопрос цены увел его далеко от простых потребностей и мечтаний...

А сейчас, кажется, все оказалось пустой тратой времени и усилий... снова.

Рядом с ним Сэдан Трист подбросил нож в воздух и, когда клинок устремился вниз, ловко поймал его за рукоять. В задумчивости он повторил фокус еще дважды. Норрек вполне мог представить, о чем размышляет спутник. Не один месяц потратили они на этот поиск, пересекли море, двигаясь к северному Кеджистану, спали на холоде и под дождями, сворачивали на ложные тропинки и забредали в пустые пещеры, ели любой подножный корм, какой удавалось раздобыть, когда остальная охотничья добыча оказывалась чертовски скудной... и все из-за Норрека-подстрекателя, спровоцировавшего это путешествие, закончившееся крахом.

Хуже того, в *этот* поиск они на самом деле отправились из-за сна, грезы о зловещей горной вершине, напоминающей очертаниями драконью голову. Если бы эта гора приснилась Норреку раз или два, ее образ, возможно, и выветрился бы из его головы, но сон неумолимо повторялся из года в год едва ли не каждую ночь. Где бы он ни сражался, Норрек высматривал в округе тревожащую душу вершину, но безрезультатно. А потом один соратник, – впоследствии погибший, – родом из холодных северных земель, как-то мимоходом упомянул это место. Что, мол, говорят, призраки частенько посещают заклätую гору и проезжающие мимо люди, бывает, исчезают, а потом, годы спустя, кто-нибудь случайно обнаруживает их останки – обломки костей, лишенных плоти...

Тогда Норрек Вижаран был уверен, что судьба пытается призвать его именно в эти места. Но если так – почему гробница уже разграблена?

Потайной вход был почти незаметен на поверхности скалы, но, несомненно, его открывали. Нет бы еще тогда догадаться об истинном положении вещей, но Норрек не хотел признаваться себе в этом.

Все его надежды, все посулы спутникам...

– Проклятие! – Он пнул ближайшую стену, и лишь прочный сапог спас пальцы от вероятных переломов.

Норрек швырнул меч на землю, продолжая проклинать собственную наивность.

– Какой-то новый военачальник из Вестмарша нанимает солдат, – услужливо подсказал Сэдан. – Говорят, у него большие амбиции...

– Больше никаких войн, – проворчал Норрек, пытаясь не показывать боли – нога ныла невыносимо. – Не буду больше пытаться помереть во славу других.

– Я только подумал...

Долговязый маг стукнул о каменный пол своим посохом, привлекая внимание товарищей.

– В данный момент будет глупостью не пройти в центральный зал. Возможно, те, кто был здесь до нас, оставили пару побрякушек или монет. Мы же нашли пригоршню золотых в Тристраме. Что плохого, если мы поищем еще немного, а, Норрек?

Солдат знал, что единственная цель визджерея – утешить друга, и все же эта идея застряла в мозгу ветерана. Все, что ему надо, – это несколько золотых монет! Он еще достаточно молод, чтобы выбрать невесту, начать новую жизнь, может, даже вырастить детей...

Норрек поднял с земли меч – оружие, верой и правдой служившее ему долгие годы. Он холил и лелеял его, как живое существо, беспрестанно чистил и затачивал, гордясь одной из немногих вещей, действительно принадлежащей ему. На лице его отразилась решимость.

– Идем.

– Ты можешь добиться многого, используя так мало слов, – пошутил Сэдан, обращаясь к магу, когда они зашагали дальше.

– А ты так много говоришь о том, что вообще не заслуживает внимания.

Дружеская перепалка спутников помогла Норреку успокоить взбудораженный разум. Спор напомнил ему о других временах, когда они вдвоем стойко переносили куда большие трудности.

Но когда товарищи приблизились к последней и видимо самой главной усыпальнице, разговор оборвался. Фаузтин, взглянув на драгоценный камень на вершухе своего посоха, подал знак остановиться.

– Прежде чем мы войдем внутрь, вам двоим лучше зажечь факелы.

Они хранили факелы на крайний случай – посох волшебника до сих пор служил безотказно. Фаузтин ничего больше не сказал, но пока Норрек вытаскивал трут, он думал, что, возможно, визджерей в последний момент заметил что-нибудь важное. Если так, то, вероятно, здесь остались и сокровища... ну хоть немножко.

Запалив свой факел, Норрек помог загореться и факелу Сэдана. Теперь троица шагала уже при более ярком освещении.

– Чтoб я сдох! – пробормотал тощий Сэдан пару секунд спустя. – Клянусь, отчего-то волосы у меня так и норовят встать дыбом!

Норрек чувствовал то же самое и не стал спорить, когда визджерей возглавил шествие. Клань Дальнего Востока давно уже изучили искусство магии, а народ Фаузтина посвятил ему больше времени, чем кто-либо другой. Если ситуация обернется так, что потребуются мастерство заклинателя, имеет смысл предоставить метать заклинания тощему магу. А Норрек и Сэдан позаботятся об охране мага от прочих возможных нападок.

Так уж у них повелось, и до сих пор этот порядок *работал*.

В отличие от тяжелых сапог воинов, сандалии Фаузтина позволяли ему шагать совершенно бесшумно. Маг выставил вперед посох, и Норрек заметил, что, несмотря на всю его силу, драгоценный камень несколько потускнел. Только факелы полыхали так, как им и положено.

– Здесь старая и могущественная магия. Наши предшественники, возможно, и не были столь удачливы, как мы решили сперва. Мы еще можем найти тут кое-какие сокровища. А может, и не только сокровища. – Рука Норрека так крепко сжала рукоять меча, что костяшки пальцев побелели. Ему хотелось золота, но хотелось и жить, чтобы тратить его. Сейчас на посох полагаться не стоило, и два бойца шагнули вперед. Это не означало, что Фаузтин больше не нужен им. Даже теперь опытные воины знали, что их спутник-чародей обдумывает заклинания, которые бросит быстро и наверняка, с чем бы товарищи ни столкнулись.

– Темно как в могиле, – буркнул Сэдан.

Норрек ничего не сказал. Он сделал несколько шагов, оторвавшись от своих компаньонов, и первым ступил в покои. Несмотря на опасности, которые могли притаиться во мраке, он чувствовал, как его влечет туда, словно там, внутри, что-то звало солдата...

И тут на троицу обрушилось ослепительное сияние.

– Боги! – рявкнул Сэдан. – Я ничего не вижу!

– Подожди секунду, – посоветовал маг. – Это пройдет.

И это прошло, но когда глаза приспособились, перед ними предстало такое зрелище, что Норреку Вижарану пришлось дважды моргнуть, чтобы убедиться, что это не бред больного воображения.

Стены покрывали замысловатые узоры, выложенные из драгоценных камней, и в этих переплетениях даже он чувствовал колдовство. Множество великолепных самоцветов всех видов и оттенков складывались в изящные завитки небывалого переливающегося ковра, наполняя покои обилием буйных, ошеломляющих красок. Помимо бесценных стен с магическими сим-

волами тут лежали те самые сокровища, за которыми и явилась троица. Горы золота, холмы серебра, курганы драгоценностей. Их сверкание сливалось с блеском узоров, и в покоях было светло как днем. Каждый раз, когда боец перемещал свой факел, освещение комнаты менялось, будто добавлялись новые измерения, не менее изумительные, чем старые.

И все же каким бы потрясающим ни было зрелище (недаром от него даже дыхание перехватило), кое-что увиденное Норреком в зале сильно охладило его энтузиазм.

На полу валялись разлагающиеся трупы тех, кто пришел в это дурное место раньше него и его друзей.

Сэдан поднес факел к ближайшему почти истлевшему телу, все еще облаченному в полу-сгнившие кожаные доспехи.

– Тут, должно быть, шла какая-то битва.

– Эти люди умерли не в одно и то же время.

Норрек и Сэдан взглянули на Фаузтина. На обычно невозмутимом лице читалась тревога.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, Сэдан, что некоторые из них, несомненно, мертвы уже очень и очень давно, возможно даже века. Кое от кого остались одни лишь кости. Этот же, который лежит у твоих ног, умер недавно.

Худощавый воин пожал плечами:

– Все равно, судя по виду, все они погибли скверной смертью.

– Это так.

– Тогда... что их убило?

Теперь заговорил Норрек:

– Смотри. Думаю, они прирезали друг друга.

Два трупа, на которые он указал, сжимали костлявыми руками клинки, пронзающие соперника. У одного мертвеца был разинут рот, словно в последнем ужасающем крике; одежды его напоминали облачение мумии, валяющейся у ног Сэдана. На втором остались лишь лохмотья и несколько прядей волос, свисающих с черепа превратившегося в скелет человека.

– Ты наверняка ошибаешься, – ответил визджерей, покачивая головой. – Один воин, очевидно, умер куда раньше.

Норрек предположил бы то же самое, если бы не меч, засевший в ребрах второго трупа. И все же давние, очень давние смерти этих двоих не имели отношения к настоящему.

– Фаузтин, ты ничего не чувствуешь? Нет ли тут какой-нибудь ловушки?

Долговязая фигура подняла посох, затем с несомненным отвращением опустила его.

– Здесь слишком много противоречащих друг другу сил, Норрек. Я не могу разобраться, что искать. Но пока я не ощущаю непосредственной угрозы.

В стороне Сэдан аж подпрыгивал от нетерпения.

– Так что, мы оставим все это, плюнем на все наши мечты или все-таки рискнем и захватим с собой немного монет?

Норрек и маг переглянулись. Ни тот, ни другой не видели причин отказываться от разграбления гробницы, особенно когда под самым носом столько заманчивого. Соблазн велик. Но бывалый воин положил конец колебаниям, сделав несколько шагов в глубь главных покоев. И так как Норрека не пронзила карающая молния и не сбил с ног какой-нибудь затаившийся демон, Сэдан и визджерей поспешили за товарищем.

– Здесь их, по меньшей мере, сотни две. – Сэдан перепрыгнул через двух все еще сплетенных в схватке скелетов. – Это не считая тех, кто распался на мелкие кусочки...

– Сэдан, заткни свой рот, а то я это сделаю за тебя...

Шагая среди трупов, Норрек не хотел больше обсуждать ничего, касающееся мертвых охотников за сокровищами. Его все еще беспокоило то, что многих из них постигла насиль-

ственная смерть. Но ведь *кто-то* наверняка выжил. Если так, отчего монеты и прочие богатства остались нетронутыми?

А затем кое-что оторвало его мысли от этих вопросов – внезапное осознание того, что на участке, свободном от гор сокровищ и трупов, в самом конце покоев стоит постамент, к которому ведут созданные самой природой каменные ступени. И, что куда важнее, на этом возвышении лежат бранные останки, все еще облаченные в доспехи.

– Фаузтин... – И как только маг подошел к нему, Норрек указал на постамент и пробормотал: – Что ты думаешь вот об этом?

Вместо ответа Фаузтин сжал тонкие губы и осторожно приблизился к каменной плите. Норрек не отставал.

– Это многое объясняет... – услышал он шепот визджерея. – Это объясняет такое количество конфликтующих магических надписей и знаков силы...

– О чем ты говоришь?

Маг, наконец, посмотрел на товарища:

– Подойди и посмотри сам.

Норрек подошел. Чувство тяжести, навалившееся на ветерана еще раньше, возросло многократно, когда перед опытным бойцом открылось жуткое зрелище.

Лежащий на постаменте человек был военным, по крайней мере, это Норрек мог точно сказать, хотя от одежды мертвеца остались лишь жалкие лоскуты. Кожаные сапоги отличной выделки со свисающими из них обрывками штанов. То, что раньше было шелковой рубашкой, едва виднелось из-под внушительного нагрудника, криво лежащего на грудной клетке скелета. Под костяной решеткой чернели куски королевской мантии, закрывающей больше половины каменной плиты. Боевые перчатки и выпуклые наручи, скрепленные ремешками, создавали впечатление, что под ними до сих пор прячутся мускулистые руки; другие, перекрывающие друг друга, пластины оказывали ту же услугу несуществующим плечам. Щитки поножей добились меньшего успеха – они лежали косо, вперемешку с костями, словно что-то потревожило их.

– Видишь? – спросил Фаузтин.

Норрек, не слишком уверенный, что именно маг имеет в виду, неопределенно хмыкнул. Кроме того, что доспехи были какого-то тревожаще-знакомое оттенка красного, он не замечал ничего, что...

Голова. Точнее, ее отсутствие. У тела на постаменте не было головы. Норрек осмотрелся: на полу – ни следа. О чем он и сообщил магу.

– Да, все точно так, как и было описано. – Долговязый волшебник шагнул к каменной плите – слишком торопливо, по мнению солдата.

Фаузтин выбросил вперед руку, но в последний момент отдернул ее, не прикоснувшись к останкам.

– Тело развернуто к северу. Голова, отрубленная в бою, и шлем теперь отделены от трупа временем и пространством – ради уверенности в абсолютной кончине мертвеца. На стены нанесены знаки силы и света, противостоящие мраку, все еще клубящемуся в трупе, и удерживающие его внутри... но...

Голос Фаузтина сорвался, взгляд не отрывался от обезглавленного туловища.

– Но... что?

Маг тряхнул головой:

– Полагаю, ничего. Возможно, само присутствие рядом с ним выбивает меня из колеи больше, чем мне хотелось бы.

Отчего-то рассерженный мрачными словами Фаузтина, Норрек стиснул зубы.

– Ну и... кто же это? Какой-то принц?

– Ради Небес, нет! Разве не видишь? – Затянутый в кожу перчатки палец показал на красную грудную пластину трупа. – Это затерянная гробница Бартука, властелина демонов, хозяина чернейшей магии...

– *Кровавого полководца*. – Слова сорвались с губ Норрека слабым выдохом.

Он прекрасно знал истории о Бартуке, выросшем среди магов, но перешедшем на сторону Тьмы, к демонам. Теперь красный цвет доспехов обрел ясный и ужасный смысл: это был цвет *человеческой крови*.

Безумный Бартук, которого боялись даже соблазнившие его демоны, после каждой битвы купался в крови павших недругов. Его доспехи, когда-то сверкавшие золотом, навсегда потускнели, запятнанные греховными деяниями. Он со зверской жестокостью сравнивал с землей города и продолжал бы вечно бесчинствовать – так говорили люди, – если бы не отчаянный поступок его собственного брата, Хоразона, и других магов-визджереев, призвавших все знания, накопленные с древних времен, и магию самой природы, чтобы покончить со злодеем. Бартук и его дьявольское войско были разбиты, а сам полководец обезглавлен в центре круга самых могущественных заклятий.

Не веря тому, что его брат лишился силы после смерти, Хоразон приказал, чтобы тело Бартука навсегда было скрыто от людских глаз. Норрек не знал, почему труп просто не сожгли, – он бы наверняка так и сделал. Но вскоре по всем землям поползли слухи, упоминающие места, где упокоился Кровавый полководец. Многие искали его гробницу, особенно темные чародеи, которых больше всего интересовала, возможно, сохранившаяся древняя магия, но никто никогда не хвастался, что ему удалось найти тело Бартука.

Визджерей, конечно, знал куда больше подробностей, чем Норрек, но старый боец и сам слишком хорошо понимал, на что они наткнулись. Легенды гласили, что когда-то Бартук жил среди народа Норрека и что, возможно, некоторые из тех, с кем вырос солдат, являлись потомками чудовищных приспешников деспота. Да, Норрек отлично знал наследие лютого командира.

Он содрогнулся и без размышлений начал пятиться от постамента.

– Фаузтин... уходим отсюда.

– Но ведь наверняка, друг мой...

– *Мы уходим*.

Человек в балахоне внимательно изучил глаза Норрека и кивнул:

– Возможно, ты прав.

Благодарный Норрек повернулся ко второму своему спутнику:

– Сэдан! Забудь о здешних сокровищах! Мы покидаем гробницу! Немедленно...

Что-то в тених у входа в покои привлекло его внимание, что-то движущееся – и это «что-то» не было Сэданом Тристом. Третий член их компании – вот он, тут, нашел себе занятие – пытается набить заплечный мешок всеми самоцветами, до которых только может дотянуться.

– Сэдан! – прикрикнул старший воин. – Брось мешок! Быстро!

Существо у входа скользнуло вперед.

– Ты свихнулся? – Сэдан даже не позаботился повернуть голову. – Это ведь все, о чем мы мечтали!

Стук и лязганье долетели до ушей Норрека, стук и лязганье сразу со всех сторон. Он с трудом сглотнул – первую фигуру теперь было лучше видно.

Пустые глазницы мумифицированного бойца, через которого они переступили у порога, встретили взгляд Норрека, здороваясь с пришельцами на свой манер.

– Сэдан! Оглянись!

Теперь ему, наконец, удалось переключить внимание товарища. Жилистый солдат немедленно уронил мешок и повернулся, выдергивая клинок из ножен. Однако, увидев то, что предстало перед Норреком и Фаузтином, Сэдан Трист стал блее мела... или кости.

Они поднимались один за одним, трупы и скелеты предшественников троих друзей, ступившие в эту усыпальницу раньше них. Теперь Норрек понимал, почему ни один человек не вышел отсюда живым и почему он и его товарищи вскоре могут присоединиться к этому внушающему ужас войску.

– *Косорак!*

Один из ближайших к магу скелетов исчез во вспышке оранжевого пламени. Фаузтин направил палец на другого, в полусгнивших тряпках упыря, частично сохранившего остатки бывшего лица. Визджерей повторил Слово Силы.

И ничего не произошло.

– Мое заклинание...

Обескураженный Фаузтин упустил из виду еще один скелет, занесший ржавый, но все еще вполне годный к применению меч, несомненно, намереваясь отделить голову мага от туловища.

– Не зевай!

Норрек отразил удар и сам сделал выпад. К сожалению, атака его оказалась бесплодной – клинок просто вошел в пустоту между ребрами скелета. В отчаянии он пнул жуткого неприятеля, и тот отлетел назад, врезавшись в следующего шаркающего мертвеца.

Нападающих было неисчислимо больше, чем защищающихся, к тому же таких врагов не уничтожишь обычными средствами. Норрек увидел, как Сэдан, отрезанный от двоих друзей, вспрыгнул на вершину горы монет и пытается отбиться от двоих воинов, выползших будто из кошмарного сна, – чудовищной иссохшей оболочки человека и неполного – однорукого – скелета. К ним на подмогу спешило еще несколько ходячих трупов.

– Фаузтин! Ты можешь что-нибудь сделать?

– Я пробую различные заклинания!

И вновь визджерей выкрикнул слово: на этот раз два дерущихся с Сэданом создания застыли на месте. Трист был не из тех, кто упускает такую возможность, – он со всей мочи рубанул по парочке.

Оба расхитителя гробниц развалились на куски и рухнули вниз, смешавшись с грудой других останков на каменном полу.

– Твои силы вернулись!

– Они и не покидали меня. Боюсь, у меня только по одному шансу на каждое заклинание – а большинство из оставшихся требует слишком много времени!

Норрек не успел ответить, поскольку его собственная ситуация ухудшилась еще больше. Он обменивался быстрыми ударами сперва с одним, потом разом с двумя из нежити. Реакция упырей, казалось, замедлилась, за что солдат вознес благодарность Небесам, но число и упорство нападавших, несомненно, давали преимущество охранникам гробницы полководца. Те, кто готовил последнюю ловушку, проявили исключительную смекалку – очередные грабители вливались в ряды мертвого войска, а после также атаковали всех последующих охотников за наживой. Норрек понимал, откуда взялась первая нежить. Он уже указывал на это своим друзьям – ведь они втроем обошли жалкие ловушки, наткнулись на трупы животных, но не обнаружили ни одного тела, кроме пригвожденного копьем черепа. Первая компания, открывшая захоронение Бартука, несомненно, потеряла по пути кого-то из своих членов, так никогда и не узнавшего, что его погибшие товарищи станут страшнейшим кошмаром уцелевших. И вот с каждой новой группой расхитителей число стражей гробницы росло, а теперь в их ряды должны влиться Норрек, Сэдан и Фаузтин.

Одна из мумий рубанула мечом по левой руке Норрека. Факел, зажаты в другой руке бывшего воина, метнулся, поджигая сухую плоть, превратив зомби в ходячую огненную головешку. Рискуя ногой, Норрек лягнул пылающую тварь, посылая ее в гущу мертвецов.

Однако, несмотря на успех маневра, орда нежити продолжала теснить троих спутников.

– Норрек! – откуда-то закричал Сэдан. – Фаузтин! Они лезут на меня отовсюду!

Однако ему никто не мог помочь – оба товарища были слишком заняты. Маг, размахивая посохом, поверг один скелет, но на его место быстро встали еще два. Твари стали двигаться более плавно и куда проворнее. Вскоре у Норрека и его друзей не останется никаких преимуществ.

Отрезав Норрека Вижарана от Фаузтина, трое воинов-скелетов прижали его к лестнице, загнав в итоге на постамент. Кости Кровавого полководца трещали в ржавых доспехах, но, к великому облегчению старого солдата, Бартук не поднялся возглавить свою адскую армию.

Вспышка и клубы дыма уведомили бойца о том, что друг-чародей расправился еще с одной нежитью, но Норрек знал, что Фаузтину не одолеть всех. Дерущиеся попали в безвыходное положение. Без плоти врагов, которую могли бы пронзить клинки, без жизненно важных органов, которые можно проткнуть, ножи и мечи обороняющихся не значили ничего.

При мысли о том, что однажды и он сам встанет, подобно вот этим, и примется резать следующих злополучных гостей, мурашки побежали по спине Норрека. Он обогнул постамент, осторожно двигаясь вдоль края, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь путь к бегству. К своему стыду, Норрек понимал, что бросит товарищей, если внезапно у него появится возможность выбраться из гробницы.

Он терял силы. Чей-то клинок вонзился ему в бедро. Норрек не только закричал от боли, но и разжал пальцы, выпуская меч. Оружие, клацая, пересчитало ступеньки и исчезло под ногами обступивших возвышение упырей.

Нога почти не сгибалась. Норрек отмахивался факелом от нападающих, сжимая его одной рукой, другой же пытаясь удержаться за постамент. Но вместо камня его скрюченные пальцы вцепились в какой-то холодный металл, от которого поддержки ждать не стоило.

Раненая нога, наконец, сдалась. Норрек упал на одно колено, подтянув к себе случайно схваченную железяку.

Факел улетел прочь. Перед глазами тщетно пытающегося подняться Норрека бурлило море мертвых обезображенных лиц. Отчаявшийся охотник за сокровищами вскинул руку, словно безмолвно умоляя нежить о милосердии и пытаясь предотвратить неизбежное.

Только сейчас он заметил, что поднятая рука его отчего-то оказалась словно окована железом. Ее охватывала латная перчатка.

Та же перчатка, которую он видел на скелете Бартука.

Это ошеломляющее открытие еще не до конца угнездилось в мозгу Норрека, а с его губ уже сорвалось слово, которого он не понял, и мощное эхо его загремело в покоях. Драгоценные узоры на стенах вспыхнули ярче, еще ярче, и мистические враги троих друзей оцепенели.

Еще одно слово, такое же невразумительное, вылетело изо рта обескураженного ветерана. Узоры стали ослепительными... и взорвались.

Страшная волна чистой энергии прокатилась по покоям, накрывая восставших мертвецов. Черепки сыпались градом, и Норреку пришлось свернуться клубком – он старался стать как можно меньше. Солдат молился, чтобы конец был относительно быстрым и безболезненным.

Магия уничтожала нежить на месте. Кости и иссохшая плоть вспыхивали с готовностью промасленной растопки. Оружие таяло, громоздя горы окалина и пепла.

Но пламя не тронуло никого из троицы живых.

– Что происходит? Что происходит? – слышался безостановочный крик Сэдана.

Пылающий ад двигался с точностью и аккуратностью, поглощая лишь стражей гробницы, и ничего больше. Число нежити сокращалось, и с ним угасала и мощь колдовства, пока, наконец, дело не завершилось. Зал гробницы погрузился во тьму, теперь его освещали лишь два факела да блики на множестве драгоценных камней.

Норрек, видя столь опустошительный результат, аж задохнулся, удивляясь, что же он только что наделал и не накликать ли беды еще похуже. А потом он перевел глаза на перчатку, боясь снять ее, в равной степени страшась и того, что может случиться, если он сбросит железное облачение.

– Они... они все уничтожены, – выдавил Фаузтин, с трудом поднимаясь на ноги.

Балахон мага был рассечен во многих местах, тощий заклинатель баюкал руку, из которой все еще обильно струилась кровь.

Сэдан спрыгнул с груди, на которой он сражался. И, что примечательно, выглядел он совершенно нетронутым.

– Но как?

Действительно как? Норрек пошевелил пальцами в перчатке. Металл казался уже ему второй кожей, в нем было куда уютнее, чем можно было себе представить. Страх исчез, уступив место размышлениям, что еще можно сделать при помощи древних доспехов.

– Норрек, – раздался голос Фаузтина, – когда ты натянул это?

Норрек не обратил внимания на вопрос, думая о том, что неплохо бы попробовать надеть и вторую перчатку – а еще лучше – все облачение, – интересно, как себя в нем почувствуешь? Когда-то, будучи молодым рекрутом, он мечтал возвыситься до главнокомандующего и от победы к победе накапливать богатства. Теперь эта старая, давно поблекшая мечта воскресла, и впервые ее осуществление казалось таким возможным...

Над рукой солдата нависла тень. Он поднял глаза и обнаружил озабоченно разглядывающего его чародея.

– Норрек. Друг мой. Пожалуй, лучше тебе снять эту перчатку.

Снять? Внезапно сама мысль о подобном потеряла для него всякий смысл. Перчатка – это ведь она и только она спасла им жизни! Зачем ее снимать? А может... может, визджерей просто решил захватить ее себе? Когда дело касается магии, такие, как Фаузтин, забывают о верности дружбе. Если Норрек не отдаст ему перчатку, Фаузтин способен просто отобрать ее...

Часть разума ветерана пыталась отмести ненавистное предположение. Фаузтин не раз спасал ему жизнь.

Они с Сэданом были лучшими (и единственными) друзьями Норрека. Маг Востока наверняка не способен на подлость... или способен?

– Норрек, слушай меня! – Какие-то эмоции, то ли зависть, то ли страх, окрасили голос говорившего. – Сейчас жизненно важно и единственно правильно будет снять перчатку. Мы положим ее обратно на постамент...

– Что это? – вскрикнул Сэдан. – Что это с ним, Фаузтин?

Норрек всецело убедился, что был прав в своих подозрениях. Маг хочет заполучить *его* перчатку.

– Сэдан. Обнажай клинок. Нам, может, придется...

– Мой клинок? Ты хочешь, чтобы я поднял его на Норрека?

Что-то внутри старого бойца взяло контроль на себя. Норрек словно со стороны наблюдал, как рука в перчатке метнулась и схватила визджерея за горло.

– С-сэ-эдан! Его кисть! Отруби...

Уголкем глаза Норрек заметил, как второй его спутник замешкался, но все же занес оружие. Ярость, никогда прежде не испытанная, захлестнула опытного воина. Мир окрасился в кроваво-красный, а потом все поглотила непроглядная тьма.

И в этой тьме Норрек Вижаран услышал крики.

Глава 2

В песках Араноха, у самой северной границы жестокой пустыни, заполонившей почти весь край, стояла лагерь маленькая, но грозная армия командующего Августа Злорадного. Они разбили лагерь несколько недель назад по причинам, до сих пор оставшимся загадочными для многих солдат, но никто не осмеливался усомниться в правильности решения военачальника. Большинство этих людей следовали за Злорадным от самого Вестмарша, оставаясь верными фанатиками его дел и ни о чем не спрашивая. Но про себя они все же удивлялись, отчего он не желает сейчас двигаться дальше.

Многие были уверены, что это связано с самой пестрой палаткой – цветастой, кричащей и безвкусной, воздвигнутой неподалеку от командирской... палаткой, принадлежавшей ведьме. Каждое утро Злорадный направлялся к ней в поисках предзнаменований будущего, дабы строить на них свои решения. А каждый вечер Галеона проделывала путь до палатки командующего – по более личным мотивам. Никто не мог точно сказать, велико ли ее влияние на решения командира, но влияние это, несомненно, присутствовало.

И вот, когда краешек утреннего солнца показался из-за горизонта, стройная, элегантная фигура Августа Злорадного покинула походные покои; его бледное, дочиста выбритое лицо – некогда описанное ныне покойным соперником как «лик самой Владычицы Смерти, от рождения лишенный доброты», – было абсолютно лишено выражения. На Злорадном ладно сидели черные как смоль доспехи, лишь по краям и вокруг шеи отделанные малиновыми вставками. Кроме того, грудную пластину украшало изображение красной лисы над тремя серебряными мечами – единственное напоминание о славном прошлом командующего. Два ординарца сопровождали командира, который на ходу натягивал черные с малиновым латные перчатки, выглядящие так, словно только что сошли с наковальни. По правде говоря, все облачение Злорадного выглядело превосходно. По ночам солдаты, научившиеся понимать, что даже крошечное пятнышко ржавчины может стоить им жизни, до блеска начищали доспехи своего командира.

Полностью защищенный сверкающими пластинами доспехов, оставив лишь голову открытой, Злорадный направился напрямик к своей волшебнице, к своей возлюбленной колдунье. Обиталище Галеоны напоминало стеганое одеяло, сшитое из кривых лоскутов, по меньшей мере, пары дюжин цветов, что сильно обескураживало привыкших к походным палаткам солдат. Лишь такие, как командующий, умеющие видеть не только внешнюю сторону, могли заметить, что различные краски создают особый узор, а познавшие самые глубины магии различили бы силу, заключенную в этих узорах.

Ординарцы следовали за Злорадным, один из них нес в руках какой-то сверток, напоминающий по форме голову. Офицер беспокойно дергался, словно груз внушал ему отвращение и немалый страх.

Командующий не позаботился объявить о своем прибытии, но не успел он дотронуться до задернутого полога шатра ведьмы, женский голос, глубокий и дразнящий, пригласил его войти.

Хотя солнечные зайчики уже вовсю играли, прыгая по лагерю, внутри палатки Галеоны царил почти полная темнота, и, если бы не слабо чадающая под потолком одинокая масляная лампадка, ни командующий, ни его подручные не разглядели бы ничего дальше собственных носов. А тогда бы они пропустили много интересного.

Отовсюду свисали мешочки, пузырьки и разные безымянные вещички. Хотя у ведьмы были сундуки для хранения припасов, она по каким-то ведомым лишь ей причинам не пользовалась ими, развешивая все предметы на крючках и петельках, тщательно выбирая место для каждого. Злорадный не задавал вопросов по поводу этих странностей колдуньи; ибо пока

он получает желаемые ответы, Галеона вольна развешивать под пологом хоть сушеные трупы, он слова не скажет.

Впрочем, она почти так и делала. К счастью, многие ее снадобья скрывались в непрозрачных сосудах, но среди тех, что свободно свисали со стен, имелись и засушенные тельца редких животных, и их разнообразные части. Вдобавок некоторые предметы наводили на мысль об их недавней принадлежности человеку, хотя определенно сказать можно было бы лишь после тщательного исследования.

К пушному беспокойству военачальника, любовника ведьмы, единственная лампа в этом святая святых колдуньи рождала тени, пляшущие вне всякой связи с отбрасывающими их предметами. Частенько люди Злорадного видели, как пламя клонилось в одну сторону, а тень перемещалась совершенно в другую. А еще из-за теней палатка казалась куда просторнее внутри, чем решил бы сторонний наблюдатель, – словно, переступив порог, входящие попадали в другое измерение.

И как сосредоточие всего тревожащего и сбивающего с толку в этих покоях, хозяйка, колдунья Галеона, являла собой самое поразительное и волнующее зрелище. Когда она поднялась с разноцветных подушек, разбросанных на узорчатом ковре, огонь вспыхнул в каждом мужчине. Пышные черные волосы каскадом ниспадали на спину, открывая круглое притягательное личико с пухлыми красными, манящими губами, длинноватым, но милым носиком и глубокими, невероятно глубокими зелеными глазами, цвет и сияние которых сравнить можно было разве что только с изумрудами. Густые ресницы полуприкрывали эти глаза, когда казалось, что ведьма пожирает по очереди каждого входящего, просто глядя на него.

– Мой генерал... – промурлыкала она, и обещание звучало в каждом слове.

Чувственная, сладострастная Галеона с пышным телом выставляла свои прелести напоказ, как оружие. Платье ее, обрезанное, между прочим, специально, было так коротко, что едва не теряло своего основного предназначения, а сверкающие самоцветы подчеркивали низкий вырез на груди. Двигалась она так, словно ее мягко подталкивает ветер, и тонкая ткань обольстительно колыбалась вокруг тела.

Чары колдуньи произвели на Злорадного нужный эффект, но она ожидала нечто большего, чем легкое прикосновение его руки в перчатке к своей темно-коричневой гладкой щечке. Ведьма приняла ласку так, словно ее погладили мягчайшей шерсткой. Волшебница улыбнулась, демонстрируя белые остренькие, как у кошки, зубы.

– Галеона... моя Галеона... хорошо ли тебе спалось?

– Когда я действительно спала, то да... мой генерал.

Он хохотнул:

– И со мной было то же самое... – Но улыбка командующего резко исчезла. – Пока мне не привиделся сон.

– Сон?

Секунда, потребовавшаяся Галеоне, чтобы втянуть в себя воздух, прежде чем переспросить, говорила о том, что колдунья отнеслась к замечанию вполне серьезно.

– Да... – Август зашагал по шатру, глядя на жутковатые экспонаты коллекции ведьмы, но словно не видя их. Наконец, в задумчивости перебирая какие-то кости, он произнес: – Кровавый полководец восстал...

Она метнулась к нему, черным ангелом замерев у плеча, глаза женщины расширились от ожидания.

– Расскажи мне, мой генерал, расскажи мне все...

– Я видел латы без человека, выбирающиеся из могилы, потом в доспехах появились кости, потом их обтянули мышцы и сухожилия. Тело обрело плоть, но это был не Бартук, каким мы знаем его по изображениям. – Офицер в черных доспехах, казалось, недоумевал. – Лицо

обыкновенного смертного, но ваятели никогда не высекали его таким. Возможно, это и было лицо Полководца, хотя в моем сне он казался скорее испуганным...

– Это все?

– Нет, затем я увидел кровь, кровь на лице, и после того, как она появилась, он зашагал прочь. Я видел, как горы сменились холмами, холмы рассыпались песком, Полководец утонул в нем... И тут сон оборвался.

Один из офицеров, сопровождающих начальника, заметил мелькнувшую в дальнем углу палатки тень. Она подкрадывалась к командующему. Наученный на собственном опыте не говорить о таких вещах, человек сглотнул и прикусил язык, надеясь лишь, что тень не повернет в какой-то момент в его сторону.

Галеона бросилась Злорадному на грудь, снизу вверх глядя ему в глаза.

– А тебе никогда не снился этот сон прежде, мой генерал?

– Ты бы знала.

– Да, знала бы. Ты же понимаешь, как важно, чтобы ты рассказывал мне все. – Женщина отстранилась от него, вновь опустившись на грудь плюшевых подушек. Все обнаженные участки ее тела блестели от выступивших капель пота. – Это куда важнее всего остального... Потому что это совсем не обычный сон.

– Я и сам догадался об этом.

Он небрежно махнул рукой одному из ординарцев, тому, у которого в руках был замотанный в тряпку предмет. Человек шагнул вперед, одновременно срывая материю, чтобы открыть то, что пряталось внутри.

Шлем с зазубренным гребнем блеснул в тусклом свете одинокой лампадки. Старый, но невредимый, он прикрывал почти всю голову и лицо своего носителя – целостность его нарушалась лишь двумя узкими щелями для глаз, не менее узким желобком для носа и прорезью чуть-чуть пошире для рта. Сзади у шлема был выступ, защищающий шею, но оставляющий само горло полностью открытым.

Даже при столь слабом освещении любой мог ясно различить, что шлем окрашен в цвет запекшейся крови.

– Я подумал, тебе может понадобиться шлем Бартука.

– Возможно, ты прав.

Галеона потянулась к предмету. Пальцы ее будто ненароком погладили руку офицера, и мужчина содрогнулся. Командующий стоял спиной, второй помощник из своего угла ничего не мог видеть, и колдунья воспользовалась возможностью нежно сжать запястье человека. Она полакомилась им раз или два, когда ее аппетит требовал перемен, но знала, что он никогда не осмелится доложить своему командиру об их взаимоотношениях. Злорадный наверняка предпочел бы покарать *его*, а не свою драгоценную ведьму.

Женщина взяла шлем и положила его на землю рядом с тем местом, где изначально сидела. Командующий отпустил своих людей и присоединился к Галеоне, разместившись прямо напротив нее.

– Не подведи меня, дорогая. Ты знаешь, в этом я непреклонен.

В первый раз часть уверенности Галеоны развеялась. Август всегда был человеком слова, особенно когда дело касалось судеб тех, кто не оправдывал его ожиданий.

Скрывая тревогу, темная колдунья опустила ладони на шлем. Командующий стянул перчатки и сделал то же самое.

Пламя лампы мигнуло и съезжилось до крохотной искры. Тени разрослись, набухли и, кажется, стали еще более живыми, более независимыми от хилого огонька. Однако то, что они обладали своей собственной неземной сущностью, в последнее время уже не волновало Злорадного. Он знал о некоторых силах, с которыми общается Галеона, и догадывался об осталь-

ных. Будучи военным с большими амбициями, он не гнушался любых средств для достижения своих целей.

– Как подобное вызывает к подобному, как кровь вызывает к крови... – Слова с готовностью соскальзывали с пухлых губ Галеоны. Она не раз уже бормотала эту литанию своему хозяину. – Пусть принадлежавшее ему призовет то, что тоже было его! Да восстановится вновь связь с тенью Бартука!

Пульс Злорадного участился. Мир словно ускользал от него. Звенящие эхом слова Галеоны – вот и все, что еще оставалось отчетливым.

Сперва он не увидел ничего, кроме безбрежного тумана. Затем из этой пелены начало что-то вырастать – что-то очень знакомое. Он вновь увидел доспехи Бартука и уверился в том, что кто-то облачился в них, но на этот раз командующий твердо знал, что человек перед ним не может быть легендарным Полководцем.

– Кто? – прошипел он. – Кто?

Галеона не ответила – глаза ее оставались закрытыми, голова откинута назад, – полная сосредоточенность. За ней колыхалась тень, смутно напоминающая какого-то гигантского насекомого. Затем, когда фигура увеличилась, все внимание Злорадного переключилось на опознание и определение местопребывания незнакомца.

– Воин, – пробормотала колдунья. – Участник многих боевых походов.

– Забудь об этом! Где он? Он близко? Доспехи Полководца! После стольких длинных, ложных путей...

Она вздрогнула от напряжения. Злорадного это не заботило, – будь в его власти, он бы заставил ее преступить пределы человеческих возможностей.

– Горы... холодные, мрачные пики...

Никакого толку. Мир полон гор, особенно на севере и по ту сторону Морей-Близнецов. Даже Вестмарш не обошелся без гор.

Галеона дернулась во второй раз.

– *Кровь вызывает к крови...*

Мужчина стиснул зубы. Зачем повторяться?

– Кровь вызывает к крови!

Она пошатнулась, едва не оторвав ладони от шлема. Колдовская связь чуть не разорвалась. Злорадный изо всех сил пробовал удержать видение, хотя его магические умения блекли в сравнении с мастерством Галеоны. И все же на миг ему удалось рассмотреть лицо. Простое лицо. В нем нет ничего от лидера. Можно даже сказать, тронутое паникой. Не трусливое, но явно лицо человека, оказавшегося в необычной, пугающей его ситуации.

Образ начал расплываться, и командующий беззвучно выругался. Латы обнаружил какой-то треклятый солдафон или дезертир, который наверняка понятия не имеет ни об их ценности, ни об их могуществе.

– *Где он?*

Видение исчезло так резко, что даже он удивился. Одновременно темная ведьма выдохнула и рухнула на грудь подушек, полностью разрушая заклятие.

Чудовищная сила отбросила руки Злорадного от шлема, и изо рта командующего брызнул поток колких и грубых эпитетов.

Застонав, Галеона медленно села; чтобы посмотреть на Злорадного, ей пришлось подпереть голову рукой.

Он, в свою очередь, размышлял, стоит или нет высечь ее кнутом. Соблазнить его тем, что доспехи найдены, а потом бросить в неведение, где они!

Она прочитала его угрюмый взгляд, осознавая, что он ей сулит.

– Я не подвела тебя, мой генерал! После стольких лет наследие Бартука наконец всецело твое!

– Всецело? – Злорадный поднялся, едва сдерживая раздражение и ярость. – Всецело? Бартук повелевал демонами! Под его властью был почти весь мир! – Бледный командующий махнул на шлем: – Я купил его у коробейника как сувенир, символ той мощи, которой хотел достичь! Фальшивка, я думал, но отлично сделанная! Ну как же, шлем Бартука! – Командир хрипло рассмеялся. – И только надев его, я осознал правду – что это в действительности *тот* шлем!

– Да, мой генерал! – Галеона быстро встала и положила руки ему на грудь; пальцы ласкали железный панцирь, будто обнаженное тело. – И к тебе стали приходить сны, видения...

– *Бартук*... Я видел его победы, видел его славу, видел его силу! Я прожил его жизнь... – Тон Злорадного стал несказанно горек. – Но только в моих *снах*.

– Это судьба привела шлем к тебе! Судьба и дух Бартука, разве ты не видишь? Он наметил тебя своим преемником, поверь мне, – ворковала ведьма. – Ведь не зря же ты единственный, кто способен видеть эти картины без моей помощи!

– Верно.

После двух первых инцидентов, случившихся в то время, когда Злорадный носил шлем, командующий приказал нескольким самым преданным офицерам испробовать доспех на себе. Но даже те, кто проходил в нем несколько часов, признавали, что впоследствии их не преследовали никакие особенные сны. А это для Августа Злорадного было веским доказательством того, что он – избранник духа Полководца, преемник плаща его славы.

Злорадный знал о Бартуке все, что только мог узнать смертный. Он изучил все документы, исследовал все легенды о Кровавом полководце. Меж тем как многие отшатывались от темной демонической истории Бартука, опасаясь, что пятно может лечь и на них самих, командир раскапывал каждую кроху информации.

Он мог бы потягаться с Бартуком в искусстве стратегии или в физической силе, да только вот Злорадный обладал всего лишь искрой магических умений, – искрой, которой едва хватало на то, чтобы разжечь свечу. Галеона обеспечивала его колдовством – не говоря уже о прочих удовольствиях, – но чтобы действительно сравниться со славой Полководца, Злорадному требовалось что-то, чтобы призвать и повелевать не одним демоном, а *многими*.

Он пребывал в абсолютной уверенности, что доспехи открыли бы ему этот путь, и был буквально одержим этой мыслью. Всесторонние исследования Злорадного показывали, что Бартук вселил в латы могущественнейшие заклания. Собственные, скудные силы командующего уже увеличились за счет шлема; наверняка магические доспехи Полководца дадут ему то, чего он так жаждет. Наверняка и тень Бартука желает этого. Видения – это знак.

– Я скажу тебе только одно, мой генерал, – прошептала колдунья. – Только одно, что вдохновит тебя в твоём поиске...

Он стиснул ее руки:

– Что? Что такое?

Женщина неуволимо скривилась от боли, столь крепка оказалась его хватка.

– Он... этот дурак, натянувший доспехи, – он приближается!

– К нам?

– Вероятно, если шлем и все остальное стремятся воссоединиться, но даже если и не так, чем ближе он окажется, тем точнее я сумею вычислить его! – Галеона высвободила одну руку и дотронулась до подбородка Злорадного. – Тебе придется подождать еще самую малость, моя любовь. Самую малость...

Отпустив чародейку, командующий решительно заявил:

– Будешь проверять каждое утро и каждый вечер! Не жалея усилий! Я должен узнать, где находится этот кретин, в ту же секунду, когда ты сможешь определить это! И мы выступим немедленно! Ничто не должно встать между мной и моей судьбой!

Он подхватил шлем и, не сказав больше ни слова, покинул шатер. Ординарцы быстро зашагали следом. Разум Злорадного застилало, когда он представлял себя в магических доспехах. Легионы демонов встанут под его командование. Города падут. И вырастет империя... империя, охватывающая весь *мир*.

Вернувшись в свою палатку, Август Злорадный бережно обнял шлем, словно защищая его. Галеона права. Ему всего лишь надо быть немножко терпеливее. И доспехи придут к нему.

– Я свершу все, о чем ты только мечтал, – прошептал он отсутствующей тени Бартука. – Твое наследие *будет* моей судьбой! – Глаза командира заблестели. – И очень скоро...

Когда Злорадный исчез за пологом, ведьма задрожала. В последнее время он стал таким непостоянным, особенно когда надевает древний шлем. Однажды она даже поймала его на том, что он разговаривает так, словно сам был Кровавым полководцем. Галеона знала, что шлем – как, наверное, и все доспехи – содержит загадочную магическую силу, только вот она не могла ни распознать, ни контролировать ее.

А если бы получилось... этот любовник ей больше не понадобился бы. Жалко, конечно, чуток, но другие самцы всегда найдутся. Куда более *покладистые*.

Скрипучий, глубокий голос разорвал тишину – звучание его напоминало жужжание тысячи умирающих мух.

– Терпение – добродетель... этот-то знает! Сто двадцать три года на гнусной грани смертных в поисках Полководца! Так долго... и теперь все складывается...

Галеона метнула взгляд на тени, разыскивая среди них одну, особую. Наконец она заметила ее в углу палатки – колыхающуюся, похожую на насекомое фигуру, видную только тому, кто потрудится взглянуть попристальнее.

– Тише! Кто-нибудь может услышать!

– Никто не услышит, если этот захочет, – проскрежетала в ответ тень. – Ты отлично знаешь это, человек...

– Тогда приглуши свой голос хотя бы ради моего рассудка, Ксазакс.

Темнокожая чародейка смотрела на тень, но не приближалась к ней. Даже по прошествии стольких лет она не до конца доверяла своему постоянному спутнику.

– Как нежны уши людские. – Фигура стала отчетливее, и теперь стало понятно, что напоминает она *богомол*. Разве что этот богомол был высотой футов семь, если не больше. – И как мягки и ущербны их тела...

– Кто бы говорил об ущербности.

Низкий, рокошущий звук заполонил шатер. Галеона одернула себя, вспомнив, как ее компаньон не любит, когда его перебивают.

Ксазакс заворочался, придвигаясь ближе.

– Расскажи этому о видении.

– Ты сам видел.

– Но этот еще услышит от тебя... Пожалуйста... не отказывай этому.

– Ладно.

Набрав в грудь побольше воздуха, она принялась подробно описывать человека и доспехи. Ксазакс, конечно, и сам все видел, но по каким-то своим причинам этот дурак вечно заставлял ее пересказывать видения. Галеона попыталась ускорить процесс, почти не касаясь человека и описывая сами латы и смутно прорисовывавшийся позади ландшафт.

Внезапно Ксазакс перебил ее:

– Этот знает, что доспехи настоящие! Этот знает, что они бродят по равнине смертных! Человек! Каков человек?

– Совершенно обыкновенный. Нет в нем ничего особенного.

– Нет ничего обыкновенного! Описывай!

– Солдат. Лицо гладкое. Простой боец, наверняка сын фермера – по крайней мере, выглядит он так. Ничего выдающегося. Какой-то жалкий дурень, наткнувшийся на доспехи и, думается, абсолютно не представляющий, что это такое.

И снова рычание. Тень слегка пошевелилась. Когда же Ксазакс заговорил, голос его звучал поистине разочарованно:

– Уверена, что этот смертный путник приближается?

– Да вроде бы.

Мрачный богомол замер. У Ксазакса явно было что-то на уме. Галеона ждала... ждала и ждала. Ксазакс понятия не имел о времени других, оно заботило его, лишь когда дело касалось его личных нужд и потребностей.

На миг две темно-желтые вспышки блеснули там, где полагалось быть голове тени. Мелькнули очертания трехпалой конечности и быстро растворились вновь.

– Тогда пусть идет. Этот после решит, чем одна кукла лучше другой... – Фигура Ксазакса расплывалась. Сходство с богомолем, да и с любым другим существом, исчезало. – Пусть идет...

И тень уползла в темноту углов.

Галеона выругалась про себя. Она многому научилась от этой грязной твари и во много раз увеличила свои силы благодаря его наставлениям. И все же куда больше, чем от Августа, она стремилась отделаться от Ксазакса, сбежать от этой ужасающей сущности. Командующим еще можно манипулировать, но только не тайным компаньоном колдуньи. С Ксазаксом приходилось вечно играть в кошки-мышки, и слишком часто во время этой нескончаемой игры чародейка чувствовала себя вторым из двух упомянутых зверьков. Однако разорвать договор с такими, как Ксазакс, не так-то просто; если не позаботиться о предосторожностях, можешь обнаружить, что осталась без рук и ног, и лишь потом тебе наконец-то оторвут голову, позволив умереть.

А значит, надо придумать что-то иное.

Тот, кто носит сейчас доспехи Бартука, выглядит воином, бойцом, да еще к тому же, по ее собственному описанию, человеком простым. Другими словами, дураком. Галеона отлично знала, как вертеть такими. Как мужчина, он окажется беззащитен перед ее чарами; а как дурак – никогда не осознает этого.

Она посмотрит, как пойдут дела с командующим и Ксазаксом. Если покажется, что тот или другой по-прежнему действуют в ее интересах, Галеона уж постарается сместить равновесие в свою сторону. Злорадный, заполучив латы, наверняка свяжется с ее теневым партнером. Однако если магические доспехи достанутся Ксазаксу, поистине будет правильно последовать за ним.

И еще остается возможность использовать незнакомца. Его наверняка легко можно водить за нос, указывая, что делать. Он, в отличие от двух других, представляет собой не риск, а благоприятную возможность.

Да, Галеона намеревалась следить за простофилей ради собственной выгоды. Он куда лучше будет воспринимать ее страстные желания, чем честолюбивый и слегка тронутый военачальник, – и уж наверняка солдат куда менее опасен, чем *демон*.

Глава 3

Кровь.

– Ради всего святого, Норрек? Что ты делаешь?

– Норрек. Друг мой. Пожалуй, тебе стоит снять эту перчатку.

Кровь.

– Проклятье! Проклятье!

– С-сэ-эдан! Его кисть! Руби...

Повсюду кровь.

– Норрек! Ради бога! Моя рука!

– Норрек!

– Норрек!

Кровь тех, кто был ему ближе всех...

– Не-е-е-ет!

Норрек вскинул голову и закричал, не осознавая, что очнулся. Оплеуха знобящего ветра полностью привела его в сознание, и только сейчас он ощутил нарастающую боль в правой щеке. Не раздумывая, он приложил к ней ладонь.

Холодный металл погладил кожу. Недоумевая, Норрек взглянул на свою руку – руку в малиновой латной перчатке, пальцы которой были в чем-то красном.

Кровь.

С содроганием солдат вернул руку к щеке, на этот раз прикоснувшись к собственной плоти лишь одним пальцем. Путем осторожного исследования Норрек обнаружил три кровоточащие раны, три борозды на коже, будто следы когтей какого-то дикого животного.

– Норрек!

Вспышка памяти – и дрожь пробежала по спине ветерана. Лицо Сэдана, искаженное паникой, какой Норрек не видел даже в разгар самой свирепой битвы. Умоляющие глаза, раскрытый рот, из которого больше не вырываются слова...

И рука Сэдана... яростно и отчаянно царапающая лицо друга.

– Нет...

Этого не может быть. Память врет.

Еще один образ.

Фаузтин на полу гробницы, на камнях лужа крови, текущей из рваной дыры, бывшей когда-то горлом визджерея.

Маг, по крайней мере, умер относительно быстро.

– Нет... нет... нет...

Ужасаясь все больше и больше, полуобезумевший солдат, шатаясь, поднялся на ноги. Вокруг маячили высокие холмы, можно даже сказать – горы, небо едва тронули первые рассветные лучи. Местность совершенно незнакомая. Ни одна из этих возвышенностей даже отдаленно не напоминает пик, внутри которого друзья нашли гробницу Бартука. Норрек неуклюже шагнул вперед, пытаясь восстановить равновесие и сориентироваться.

Каждое движение сопровождал тревожный скрежет.

Норрек опустил глаза и обнаружил, что не только его руки облачены в металл.

Доспехи. Куда ни кинь взгляд, Норрек видел лишь одинаковые кроваво-красные металлические пластины. Он думал, что увиденное им только что по ужасу не сравнится ни с чем, но один лишь вид собственного тела едва не поверг повидавшего всякого солдата в полнейшую панику. Руки, грудь, ноги – все скрылось под темно-красными латами. Какая нелепость – Норрек вдобавок обнаружил, что влез в древние, но вполне прочные кожаные сапоги Бартука.

Бартук... Кровавый полководец. Бартук, чья черная магия, очевидно, спасла беспомощного солдата ценой жизнью Сэдана и мага.

– *Будь ты проклят!* – непонятно кому крикнул Норрек, вновь опуская глаза на свои руки и срывая перчатки.

Он дергал изо всех сил, сперва левую, потом правую, но железные перчатки соскользнули не больше чем на дюйм и, казалось, словно вцепились в руки.

Солдат заглянул внутрь, за краги, не увидел никакой помехи и попробовал еще раз – но латные перчатки опять не подались. Хуже того, с появлением первых лучей солнца Норрек увидел, что не одна только кровь из его расцарапанной щеки оставила пятна на металле. Каждый палец, да и сами ладони выглядели так, словно их окунули в густую ярко-красную краску.

Но краска эта отличалась от цвета доспехов.

– Фаузтин, – пробормотал воин. – Сэдан...

Взревев в иступлении, Норрек с грохотом обрушил кулак на ближайший камень, страстно желая сейчас раздробить себе все кости, если это дарует ему спасение. Однако вместо этого распался валун, а Норрек ощутил лишь чудовищную пульсацию во всей руке.

Он упал на колени:

– Не-е-е-ет...

Ветер взвыл, будто издеваясь над человеком. Норрек не пошевелился – голова опущена, руки безвольно висят по бокам. В мозгу вспыхивали обрывки того, что произошло в гробнице, и каждый добавлял красок в дьявольскую сцену. Сэдан и Фаузтин, оба они мертвы... мертвы от его рук.

Содрогнувшись, Норрек поднял голову. Нет, не совсем от его рук. Это сделали проклятые перчатки, одна из которых спасла его от дьявольских стражей. Норрек все еще винил себя в смерти товарищей, ведь, возможно, что-то изменилось бы, сними он первую перчатку сразу, ведь сам он никогда бы не погубил друзей.

Должен быть способ избавиться от этих перчаток, даже если придется отдирать их вместе с кожей.

Преисполнившись решимости сделать что-нибудь, бывалый боец вновь поднялся, пытаясь лучше разобраться в обстановке. К несчастью, ничего нового он не увидел. Горы да холмы. На севере раскинулся лес. Никаких признаков жизни, ни малейшей струйки дыма вдалеке.

И ничто не напоминает пик, заключивший в себя могилу Бартука.

– В какой Преисподней... – Он резко оборвал слова, совершенно не желая упоминать столь темное и предположительно вымышленное царство.

Даже будучи ребенком, а тем более – солдатом, Норрек не слишком верил во всяких демонов и ангелов, но ужас, частью которого он стал, несколько изменил его мнение. Существуют или нет демоны и ангелы на самом деле, Кровавый полководец уж точно оставил после себя чудовищное наследие, – наследие, от которого Норрек надеялся освободиться как можно быстрее.

Решив, что в первый раз он был просто слишком расстроен, Норрек снова попробовал снять перчатки. Надо изучить их повнимательнее. Однако, опустив глаза, он сделал еще одно ужасающее открытие.

Кровь замарала не только перчатки, но и панцирь нагрудника. И, что еще хуже, при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что кровь не просто случайно забрызгала латы, а покрыла их почти целиком.

Норрек вновь содрогнулся. Поспешно вернувшись к перчаткам, старый боец искал какой-нибудь замок, застежку, хотя бы насечку, держащую железо. Ничего. Совсем ничего. По идее, перчатки должны были соскользнуть на землю при малейшей встряске.

Доспехи. Если нельзя снять перчатки, он уж точно справится с остальными частями лат. Пряжки – вот они, и даже перчатки наверняка не создадут проблем с раскреплением. Правда,

на некоторых щитках никаких застежек не видно, но их скорее всего мастерили так, чтобы они легко спадали сами...

Наклонившись, Норрек начал с ноги. Сперва он ощупал пряжку, затем увидел, как лучше совладать с нею. С величайшей осторожностью солдат открыл замочек.

А тот немедленно защелкнулся снова.

Солдат повторил свои действия – и получил тот же результат. Норрек выругался и взялся за застежку в третий раз.

На этот раз она даже не поддалась. Еще несколько попыток с другими застежками окончились ничем. Более того, когда он попробовал наконец стянуть сапоги (это несмотря на холод!), они, как и перчатки, сползли лишь чуть-чуть и отказались двигаться дальше.

– Но это же невозможно... – Норрек дернул сильнее, но снова безо всяких видимых результатов.

Безумие! Это же всего лишь перчатки, куски железа, и пара старых потрепанных сапог! Они должны сниматься!

Отчаяние Норрека росло. Он был обычным человеком, верящим, что солнце восходит по утрам, а луна светит в ночи. Птицы летают, рыбы плавают. Люди носят одежду – но одежда никогда не носит людей!

Он взглянул на окровавленные ладони.

– Чего ты *хочешь* от меня? Чего ты *хочешь*?

Ответа, говорящего о его мрачной участи, не последовало. И латные перчатки не стали вдруг рисовать слова и символы на земле. Доспехи просто не отпускали своего нового носителя.

Разрозненные образы жуткого конца его товарищей вновь закружились в сознании Норрека, не давая сосредоточиться на чем-то конкретном. Солдат молился: умолял их покинуть его, но чувствовал, что страшные картины теперь будут сопровождать его вечно.

Ладно, пусть ему не избавиться от ночных кошмаров, но ведь, возможно, он еще способен что-то сделать с проклятой железной одежкой. Фауэтин был магом, пользующимся известной славой, но даже визджерей признавал, что есть множество профессионалов, куда более умелых и знающих, чем он.

Норреку надо всего лишь отыскать кого-нибудь из них.

Он посмотрел на восток, затем на запад. На востоке не ждало его ничего, кроме высоких зловещих гор, в то время как запад, казалось, давал немного больше простору. Конечно, Норрек понимал, что его предположения, возможно, и неверны, но он решил, что это лучшая из имеющихся возможностей и стоит направиться именно на запад.

От сырости и ледящего ветра он уже продрог до костей, так что предпочел поскорее начать свое путешествие. Весьма вероятно, что он умрет от истощения, еще даже не добравшись до тор, но что-то внутри него говорило, что этого не случится. Доспехи Бартука завладели им не для того, чтобы вот так вот дать загнуться посреди этой глуши. Нет, у них на уме что-то другое, что-то, что со временем даст о себе знать.

Норрек не слишком ждал этого откровения.

* * *

Солнце скрылось за облаками, затянувшими все небо, и стало еще холоднее. В воздухе висела влага. Тяжело дыша, Норрек упрямо толкал себя вперед. До сих пор ничто не указывало на то, что он движется в нужном направлении. Измотанный ветеран думал, что он наверняка шагает в прямо противоположную сторону от той, куда следовало бы идти. Ведь какое-нибудь горное королевство могло раскинуться за ближайшей грядой на востоке.

Однако эти мысли, пусть и невеселые, помогали Норреку не свихнуться окончательно. Каждый раз, когда он отвлекался, его сознание неизменно возвращалось к гробнице и тому ужасу, частью которого он был. Лица Фаузтина и Сэдана преследовали его даже сейчас, в воображении Норрека они осуждающе смотрели на него из полумрака.

Но они мертвы, и, в отличие от Кровавого полководца, таковыми и останутся. Лишь чувство вины Норрека продолжало терзать его.

Около полудня он начал спотыкаться. До солдата, наконец, дошло, что с тех пор, как он пришел в себя, во рту не было ни крошки, да и накануне ужинали они рано. Если он не планирует вскорости упасть и умереть, то надо поскорее отыскать чего-нибудь съестного.

Но как? У него нет ни оружия, ни капканов. Воду можно добыть, просто собрав снег с верхушек ближайших валунов, но с настоящей едой дело обстоит куда сложнее.

Решив, по крайней мере, утолить жажду, Норрек подошел к невысокому нагромождению камней, где прохлада теней не позволила растаять снегу и льду. Он сгреб, сколько смог, грязноватых кристаллов и принялся жадно сосать их, не заботясь о грязи и травинках, попадающих в рот вместе с желанной влагой.

Вскоре в голове немного прояснилось. Сплюнув кусочки земли, Норрек задумался, что же делать дальше. Дикие животные ему не встречались – разве что птицы. Без лука или рогатки у него нет шансов сбить какую-либо пернатую тварь. Но пища все же необходима...

Внезапно его левая рука пришла в движение, совершенно произвольно. Пальцы разошлись веером и согнулись, словно Норрек сжал невидимый шар. Затем рука в перчатке стала поворачиваться, пока ладонь не обратилась к ландшафту прямо перед обескураженным бойцом.

С его губ сорвалось одно лишь слово:

– *Джезрат!*

Почва в нескольких шагах от Норрека прогнулась. Сперва он подумал о землетрясении, но нет, образовалась лишь небольшая трещина где-то шесть футов на три. Остальное пространство вокруг даже не дрогнуло.

Его нос сморщился, когда из маленькой, но, несомненно, глубокой щели поднялся зловонный дым. Воздух, которого касались ядовито-желтые клубы, словно сгорал.

– *Искари! Войют!* – Новые слова вылетали изо рта с неимоверной яростью.

Из трещины раздался неприятный скрежет. Норрек хотел попятиться, но ноги не послушались его. Скрежет нарастал, перемежаясь пронзительными животными звуками.

Когда на свет дня, словно нехотя, появилась, протиснувшись сквозь землю, чудовищная морда, у Норрека перехватило дыхание. Из чешуйчатой головы выступали два зазубренных, изогнутых рога. Желтые кругляки глаз с полыхающими красными зрачками, избегающие глядеть на небо, с явственной ненавистью сфокусировались на человеке. Короткий приплюснутый нос создания подергивался, чуя что-то отвратительное. Норрек понял, что этим отвратительным был он сам.

По краям разлома возникла пара трехпалых когтистых лап, и жуткая тварь выбралась на поверхность. Лапы были гигантские, с загнутыми когтями. Норрек не мигая смотрел на создание, явившееся из подземного мира, – подобие гуманоида, горбатого обитателя глубин, едва достающего макушкой до талии человека, но демонстрирующего под чешуйчатой и одновременно покрытой шерстью кожей удивительную мускулатуру.

А затем к первой бестии присоединилась вторая... а там и третья, и четвертая, и пятая...

После шестой внушающая страх стая перестала прибывать, но их и так было на полдюжины больше, чем стремился видеть Норрек. Твари бормотали что-то на своем непонятном наречии, очевидно, недовольные тем, что оказались здесь, и тем, кто стоял сейчас перед ними. Несколько открытых зубастых пастей шипело на Норрека, меж тем как остальные просто скалились.

– *Гестер! Искар!*

Странные слова снова обескуражили солдата, но их влияние на стаю монстров оказалось еще более поразительным. Вызывающее, пренебрежительное поведение мигот прекратилось, и демоны-бесы пали ниц перед человеком – некоторые даже зарылись в землю, чтобы показать свою низость.

– *Довру Сести! Довру Сести!*

Что бы ни означала эта фраза, она обратила рогатых чудовищ в паническое бегство. Скрежеща и издавая квакающие звуки, они помчались во все стороны так, будто сама их жизнь зависела от скорости.

Норрек устал. Каждый раз, когда незнакомые слова слетали с его губ, он чувствовал, как замирает сердце. Язык напоминал тот, которым пользовались Фаузтин и другие визджереи, встречавшиеся ветерану за долгие годы службы, но звучал он грубее, мрачнее, чем все, что когда-либо выкрикивал ныне убитый друг Норрека.

Но времени подумать на эту тему у бойца не оказалось – вдалеке вдруг вновь раздалось «милое» щебетание бесов. Норрек уставился на юг и разглядел двоих возвращающихся вприпрыжку монстров: они волочили разорванные, окровавленные останки козы.

Он был голоден – и вот получил пищу, средство к существованию.

При виде туши Норрек побледнел. Он, конечно же, часто закалывал животных и ел их, но демоны явно получали удовольствие от захвата и умерщвления невезучей жертвы. Голова козы болталась, почти оторванная от тела, ноги висели переломанные. Из бока несчастного животного вырвали здоровенный кус мяса, и кровь, хлещущая из этой обширной раны, оставляла позади темно-красный ручей.

Гротескные создания уронили добычу перед Норреком и заскакали прочь, едва не столкнувшись с третьим членом стаи, тащившим маленькую растерзанную тушку, когда-то, видимо, бывшую кроликом.

Ветеран с подозрением осмотрел омерзительные подношения, размышляя, можно ли тут разыскать для себя съедобный кусок. Может, клыкастые бестии и необыкновенные охотники, но их подход к делу вызывал беспокойство.

Три оставшихся демона явились через пару секунд, каждый волоча собственную добычу. Разорванную в клочья ящерицу Норрек немедленно отмел, отдав предпочтение притащенной только что паре кроликов и отказавшись от того, который был принесен раньше.

Но когда он потянулся к ним, левая рука опять взбунтовалась. Латная перчатка застыла над кроликами, и немислимый жар опалил пальцы Норрека.

– Проклятие! – Он ухитрился отшатнуться назад. Жар тут же угас, но едва не сожженную руку все еще дергало. Собравшиеся в кучку бесы скрежетали о чем-то, на этот раз, кажется, то ли недоумевая, то ли насмехаясь над недомоганием «хозяина». Однако быстрый яростный взгляд заткнул им пасти.

Когда рука, наконец, пришла в норму, внимание Норрека вновь переключилось на кроликов – и он обнаружил, что они полностью готовы к употреблению. Соблазнительный аромат, поднимающийся от зажаренных тушек, даже отдавал какими-то пряностями.

– Так... только не думай, что я собираюсь благодарить тебя за это, – пробормотал человек, ни к кому конкретно не обращаясь.

Голод взял верх над здравым смыслом, и сидящий воин оторвал кусок на удивление удачно приготовленного мяса. Он с легкостью расправился не с одним, а с обоими кроликами. Большие порции мгновенно утихомирили крики желудка, оставив человеку возможность решить, что делать с остальным. Норрек ждал, полагая, что латы сами решат за него, но ничего не происходило.

Стая все еще наблюдала за ним, но их взгляды, частенько переползающие к мясу, наконец дали Норреку ответ. Он поднял руку, показал на тушки заваленных зверьков и махнул бесам.

Дальнейшего приглашения не потребовалось. С маниакальным ликованием, заставившим заслуженного ветерана отпрянуть, крошечная орда навалилась на пищу. Они вгрызались в плоть, рвали мясо, во все стороны летели клочки шерсти, потрохов и капли крови. Еда Норрека перевернулась в желудке – странно, что его не стошнило, когда он наблюдал за тем, как демоны сдирают с костей все, что только можно проглотить. Он представил, как эти самые зубы и когти впиваются в него...

– *Вераии!*

Столь взволнованный творящимся перед ним, Норрек едва отреагировал на хриплое слово, вырвавшееся из его рта.

Бесы отскочили как от удара. Напуганные, они подхватили то, что осталось от туши козы, и потянули к трещине. С некоторым усилием гротескные создания впили мясо в расселину и один за другим втиснулись туда сами.

Последний одарил человека быстрым и весьма любопытным взглядом, а затем исчез в недрах земли.

Прежде чем Норрек отвел глаза, разлом сам собой закрылся, не оставив и следа.

Ходячие мертвецы. Одушевленные доспехи. Демоны из-под земли. В прошлом Норрек бывал свидетелем магии, даже слышал рассказы о созданиях тьмы, но ничто не могло подготовить его ко всему, что произошло, начиная с той поры, когда он пробрался в захоронение Бартука. Он хотел, чтобы можно было повернуть назад и изменить события, принять решение покинуть гробницу прежде, чем поднялись против его маленького отряда погибшие стражи, но Норрек знал, что добьется в этом не большего успеха, чем при попытках содрать с себя проклятые доспехи.

Он нуждался в отдыхе. Путешествие было тяжелым, а с набитым желудком тяга продолжить его поугасла – по крайней мере, на время. Возможно, мысли его прояснятся, и он сообщит, как выпутаться из этой жуткой ситуации.

Норрек откинулся на спину, растягиваясь на камнях. После стольких лет, проведенных на поле боя, любой клочок земли отлично заменял ему постель. Доспехи создавали некоторое неудобство, но усталый солдат терпел и худшее.

– Какого черта?..

Его руки и ноги буквально заставили его вскочить. Норрек попытался сесть, но части тела – все, что ниже шеи, – отказались повиноваться ему.

Руки его упали, словно кто-то повредил все мускулы плеч. Левая нога Норрека шагнула вперед, правая последовала за ней.

– Чтоб тебя, я не могу продолжать! Мне надо отдохнуть!

Латы ни капельки не озаботились и продолжали шагать.левой. Правой.левой. Правой.

– Час! Самое большое – два! Это все, что мне нужно!

Его слова бесплотным эхом заметались меж гор и холмов.левой. Правой. Хотел ли того злополучный ветеран или нет, он продолжил свое тяжелое путешествие.

Но куда?

* * *

«Этого не должно было случиться, – нервно думала Кара. – Именем воли Ратмы, этого не должно было случиться!»

Изумрудный шар, который она сотворила недавно для освещения, показал и без того весьма впечатляющее зрелище в еще более тревожном – зеленоватом – свете. Бледное лицо женщины побледнело еще сильнее. Кара лучше укуталась в длинный черный плащ, согреваясь уютом его тепла. Ее серебристые миндалевидные глаза из-под густых ресниц наблюдали за сценой, которую ее учителя и вообразить себе не могли. «Гробница в безопасности навечно, –

всегда утверждали они. – Там, где споткнется магия стихий визджереев, наши проверенные умения не подведут».

Но теперь, видно, и материалисты визджерей, и прагматичные последователи Ратмы потерпели поражение. То, что они навеки хотели скрыть от людских глаз, не только обнаружено, но и, черт возьми, похищено.

Кто-то превзошел их. Но сколь могущественны должны были быть вторгшиеся в гробницу, если они не только уничтожили немертвых стражей, но и разбили сильнейшие чары!

Правда, вряд ли они были всесильны – ведь жестоко растерзанные трупы двоих из них остались лежать тут. Двигаясь с такой грацией, что казалось, будто она скользит по земле, облаченная в черное женщина подошла к ближайшему телу. Кара нагнулась, отведя от лица упавшие пряди длинных волос, цвета воронова крыла, изучая останки.

Жилистый мужчина, покрытый боевыми шрамами ветеран. Из отдаленных западных земель. Выглядит не лучшим образом – вряд ли он был красавчиком даже до того, как кто-то свернул ему шею и почти оторвал руку. Кинжал, торчащий из груди, явно избыточная мера, похоже, был его собственным. Что убило его, даже некромантка не могла сказать – пока не могла. Кровь из зияющей раны текла обильно, но как-то не так, как должна бы. Но зачем закалывать жертву после того, как свернешь ей шею?

Безмолвная, как смерть, худенькая, но соблазнительная молодая женщина подошла ко второму телу. В этом она немедленно признала визджеря, что совершенно не удивило ее. Всегда вмешивающиеся, вечно разыскивающие способы добиться преимущества один над другим, визджерей в лучшем случае были ненадежными союзниками. Если бы не они, ничего этого вообще бы не произошло. Бартук и его брат следовали ранним учениям Визджерей, они безрассудно привлекали демонов для совершения самых сильных магических заклятий. В этом деле Барток стал специалистом, но его постоянное взаимодействие с темными силами исказило его восприятие, заставив поверить, что демоны на его стороне. А они, в свою очередь, питали растущее в нем зло, оставаясь одновременно духами смертного царства и Преисподней.

И хотя Хоразон и его приятели-маги прикончили Бартука и истребили его войско демонов, они обнаружили, что не в силах уничтожить труп Полководца. Доспехи, на которые, как известно, было наложено несколько грозных заклятий, продолжали выполнять свои функции, оберегая хозяина даже в смерти. Только то, что Барток не потрудился должным образом защитить шею, позволило его недругам обезглавить злодея.

Составшимися головой и телом, которые невозможно сжечь, визджерей пришли к народу Кары, обшаривая глухие дебри в поисках отшельников, колдунов-практиков, нашедших равновесие между жизнью и смертью, чья магия заработала им клеймо *некромантов*. Эти два столь несхожих между собой ордена принялись за работу вместе, дабы получить уверенность, что останки Бартука навсегда исчезнут с лица земли и магия Полководца со временем превратится в ничто.

Кара прикоснулась к окровавленному горлу мертвого мага, отметив, что разорвано оно со свирепостью, не присущей даже зверю. В отличие от бойца, визджерей погиб хоть и лютой смертью, но быстро. Его широко распахнутые глаза снизу вверх глядели на женщину, и в них до сих пор стоял кошмар последних секунд жизни. На лице его застыло выражение ужаса и недоумения, словно... словно он никак не мог поверить в то, кто стал его убийцей.

И все же, какая сила способна уничтожить визджеря и не остановить других пришедших сюда? Неужели им просто повезло и они сбежали? Кара нахмурилась: немертвые стражи упокоились, охранные чары разбиты, тогда *кто* же напал на расхитителей? Кто?

Ей хотелось, чтобы с ней сейчас пришли и другие представители ордена, но это было невозможно. Они были нужны в других местах – впрочем, кажется, *повсюду*. Земля переполнена силами столь черными, что они ощущаются не только по всему Кеджистану, но и в Скос-

глени. Последователи Ратмы рассеялись по свету, как никогда еще за все время существования ордена.

А значит, осталась только она, одна из самых младших, не доказавшая еще приверженность вере. Естественно, как и большинство шествующих путем Ратмы, ее обучали независимости едва ли не с рождения, но теперь Кара чувствовала, что проникла в область, где ничего не значат ни тренировки, ни опыт.

Возможно... возможно, мертвый визджерея все еще может объяснить ей, с чем она столкнулась здесь.

Из-за пояса Кара извлекла хрупкий на вид, но очень прочный кинжал, клинок которого украшал извивающийся змей. И лезвие, и рукоять были выточены из кости, что могло непосвященных ввести в заблуждение. Кара без раздумий скрестила бы свой нож с любым другим, отлично зная, что наложенные на него заклятия сделали клинок крепче и острее обычного оружия.

Совершенно хладнокровно некромантка дотронулась острием кинжала до вязкого пятна крови на разорванном горле мертвого визджерея. Она поворачивала нож снова и снова, пока кончик его не покрылся густой жидкостью. Затем, держа клинок рукоятью вниз, Кара пробормотала заклинания.

Темно-красные пятна на лезвии ярко вспыхнули. Женщина, сосредоточившись, бросила еще несколько слов.

Пятна стали изменяться – они росли, двигаясь, словно оживая или припоминая жизнь.

Кара, прозванная учителями Ночной Тенью, перевернула кинжал, а потом метнула в пол.

Лезвие вонзилось наполовину, отнюдь не остановленное твердой поверхностью. Быстро отступив, Кара увидела, как костяной нож поглощают увеличивающиеся пятна, сливающиеся воедино, и неясно прорисовывается *человеческая* фигура ростом чуть-чуть выше ритуального оружия.

Прочертив в воздухе невидимые узоры, некромантка произнесла вторую, финальную часть заклинания.

В отблесках красного пламени, в том месте, куда воткнулся костяной кинжал, материализовалась фигура в полный рост. Призрак, красный с головы до пят, от кожи до одежды, уставился на призывательницу пустыми глазами. На нем было облачение мага-визджерея, точно такое же, как и на трупе, лежащем за его спиной.

Кара напряженно старалась удержать сходство фантома с погибшим магом. Раньше она всего лишь раз проделывала эту процедуру, причем в условиях куда более благоприятных. То, что стояло перед ней, большинство смертных назвали бы призраком или духом, но оказались бы лишь частично правы. Вытянутый из крови жертвы, фантом действительно обладал некоторыми чертами мертвого духа, но вызов настоящего призрака требовал куда больше времени и усилий, а Кара сейчас спешила. На ее вопросы наверняка ответит и этот.

– Назови себя! – потребовала она.

Красный рот задвигался, но из него не вылетело ни слова. И тем не менее в сознании женщины сам собой сформировался ответ:

Фауэтин...

– Что здесь произошло?

Фантом пристально посмотрел на нее, но не ответил. Кара прокляла себя за дурость, осознав, что создание способно только на простейшие фразы. Глубоко вдохнув, она поправилась:

– Ты уничтожил немертвых?

Отчасти...

– Кто истребил остальных?

Мгновение промедления, а затем:

Норрек.

Норрек? Это имя ничего для нее не значило.

– Визджерей? Маг?

К ее удивлению, призрачная фигура покачала багровой головой:

Норрек... Вижаран...

Снова имя. Последняя часть, Вижаран, на древнем языке означала «слуга Визджерей», но эта информация мало чем помогла Каре. Этот путь никуда не привел. Тогда она вернулась к другой, куда более важной теме:

– Этот Норрек забрал доспехи с постамента?

И снова фантом еле-еле качнул головой. Кара нахмурилась, не припоминая, чтобы в науках упоминалось такое. Возможно, дух визджерей требует более необычного вызова. Она тщательно обдумывала следующий вопрос. Фантом – сущность ограниченная, и чародейка понимала, что может потратить весь день и всю ночь, спрашивая и спрашивая, но не получая никаких сколь-нибудь ценных знаний. Придется Каре...

Из прохода позади раздался какой-то звук.

Юная некромантка повернулась вокруг своей оси. На кратчайший миг ей показалось, что она заметила в глубине слабый голубоватый свет, но он мгновенно исчез, и Кара решила, что лишь вообразила его себе. Это, должно быть, светлячок или какое-нибудь другое насекомое, но...

Осторожно подобравшись к туннелю, Кара с опаской взглядела во тьму. Не поторопилась ли она, кинувшись прямо в главную усыпальницу? А если этот Норрек спрятался снаружи и поджидает?

Ерунда, но Кара *слышала* шум. В этом она была совершенно уверена.

И в этот момент звук раздался снова, но где-то в отдалении.

Пробормотав заклинание, Кара сформировала второй изумрудный шар, который немедленно поплыл по коридору в скале. Черноволосая женщина последовала за шаром в нескольких шагах от него, пытаясь понять, что она может сделать.

Больше никаких признаков еще одного незваного гостя, но Кара должна быть осторожной. Любой, кто столь легко погубил визджерей, представляет собой смертельную угрозу. Она просто не может не придавать этому значения. Вдохнув поглубже, некромантка ступила в каменный проход...

...и тут же замерла, кляня себя за опрометчивость. Кара оставила в главных покоях кинжал, а она не осмелилась бы встретиться с неприятелем без него. И не только потому, что он давал ей полную защиту, но, забыв клинок, заклинательница рисковала потерять его навсегда, просто подарив тому, кто может забрести в гробницу.

Она поспешно шагнула назад, концентрируясь на заклинании устранения фантома, но обнаружила лишь, что кровавая фигура *уже* испарилась.

Кара сделала еще шаг, прежде чем осознала, что случилось. Она остолбенела от ужаса. С фантомом исчез бесценный *кинжал* заклинательницы, но не одно это лишило ее дара речи.

Оба тела, мага Фаузина и его тощего спутника, тоже пропали.

Глава 4

Песчаная змейка суетливо ползла по изменчивой пустыне, вечно катящиеся сухие волны которой не позволяли горячей земле обжигать брюшко. Охота сегодня не задалась, но когда солнце поднялось выше, пришло время, хотелось того змее или нет, искать временное укрытие. Когда ослепительный шар на небе немного снизится, она выползет снова и, быть может, поймает мышку или жука. Без еды в пустыне долго не протянуть, а охота всегда была сложным занятием.

Толкая гибкое тельце вперед, змея взбиралась на последнюю дюну, сознавая, что от тени ее отделяют всего лишь минуты. Осталось только преодолеть последнее препятствие – и она дома.

И вдруг песок под змейкой разверзся.

Жвала длиной больше фута крепко стиснули извивающееся тельце прямо посередке. Змейка яростно молотила хвостом, пытаясь выскользнуть. И тут из песка показалась чудовищная голова, а за ней – первая пара лапок, острых как иглы.

Продолжая сражаться, змея, шипя, кинулась на нападавшего – не даром же она ядовитая. Однако зубки не смогли прокусить хитиновый панцирь гигантского членистоногого.

Одна жесткая лапа резко опустилась, разрывая змейку пополам. Голова страшного жука-хищника дернулась, и одновременно челюсти-жвала сжались еще сильнее.

Бьющаяся окровавленная половинка змеи упала на землю; головка все еще шипела.

Черно-красное членистоногое полностью вылезло из своего укрытия и занялось перетаскиванием пищи туда, где на досуге ей можно будет полакомиться. Передними лапками семи-футовый хищник принялся толкать хвостовую часть змейки.

Внезапно над омерзительным созданием нависла тень. Жук немедленно повернул свою громоздкую голову и плюнул в незваного гостя.

Едкий яд брызнул на потрепанный шелковый балахон бородатого старика с безумными глазами. Его длинный, весьма напоминающий клюв нос не помешал взглянуть вниз на растворяющуюся ткань. Старик приложил к свежим дырам грубую руку, и яд, как и вызванные им повреждения, мгновенно исчезли.

Взгляд водянистых голубых глаз остановился на свирепом насекомом.

Хитиновый панцирь задымился. Чудовищный жук завершал на высокой ноте, его длинные, тонкие лапки пошатнулись. Хищник хотел было спастись бегством, но его тело, казалось, больше не функционировало. Лапки подогнулись, и туловище рухнуло. Насекомое начало таять под жгучим солнцем, будто оно было восковой фигурой, а не созданием из панциря и плоти.

Наконец жвала, принесшие смерть змейке, растворились в лужице черной жидкости, мгновенно впитавшейся в песок, а наблюдатель в лохмотьях все продолжал смотреть, как останки грозного жука исчезают, будто пара капель дождя, тщетно мечтающих ублажить эту опаленную землю.

– Песчаный маггот. Слишком много развелось их вокруг. Всюду столько зла, – бормотал себе под нос убежденный сединой патриарх. – Слишком много зла даже здесь. Я должен быть осторожен, должен быть очень осторожен.

Старик миновал невезучую змейку и ее не менее незадачливого убийцу, направляясь к следующей дюне. При приближении бородатого отшельника песчаный холм вдруг стал разбухать, становясь все выше и выше, обнаружив наконец дверной проем, ведущий, казалось, прямо в преисподнюю.

Блеклые голубые глаза озирали гнетущий ландшафт. Престарелый человек содрогнулся.

– Столько зла... Я определенно должен быть осторожен.

Он шагнул вглубь проема. Когда старик скрылся из виду, песок немедленно начал сыпаться внутрь, с непостижимой скоростью заполняя пустоту, пока не осталось ни малейшего признака того, что здесь только что был вход.

Дюна снова вернулась к нормальным размерам, и ветры пустыни продолжили менять пейзаж, и змейка и песчаный маггот присоединились к бесчисленным злополучным обитателям пыльной забытой могилы.

* * *

Горы остались далеко позади, хотя, как он преодолел их и оказался так далеко, Норрек помнил лишь наполовину. В какой-то момент он потерял сознание от изнеможения, но доспехи, очевидно, все шагали и шагали. Несмотря на тот факт, что все усилия в действительности не принадлежали ему, каждая жилочка в теле ветерана криком кричала, каждая косточка вопила, что сломана. Обветренные губы пересохли, а все тело купалось в поту. Норрек мучительно жаждал сбросить броню, освободиться, но он понимал безнадежность этих мечтаний. Доспехи делали все, что им угодно.

А сейчас он стоял на вершине гребня, глядя на первые за много дней признаки цивилизации. Унылый, подозрительный постоялый двор, место, больше подходящее разбойникам и бандитам с большой дороги, чем уважающему себя воину – такому, как он. Однако опускалась ночь, Норрек едва не падал от переутомления, а латы, наконец, кажется, сообразили, что опять имеют дело со слабым человеческим телом.

Без особого желания он зашагал к зданию. У коновязи стояли три печальные лошади, и, по крайней мере, еще одна выражала свое недовольство в жалкой конюшне поблизости. Норрек обнаружил, что у него нет меча; доспехи не позаботились прихватить оружие, когда выводили человека из гробницы.

Но прежде чем солдат достиг двери, его ноги внезапно подогнулись. Норрек едва не рухнул, но все-таки сумел устоять. Он догадался, что треклятые латы Бартука преподнесли ему сомнительный подарок, позволив войти в заведение самому, вероятно, чтобы никто не заметил чего-то подозрительного.

Еда и отдых были сейчас для Норрека куда важнее собственного достоинства, и солдат толчком распахнул дверь. К нему повернулись мрачные подозрительные лица посетителей с гремучей смесью крови восточных рас и народов с той стороны Морей-Близнецов. Все они были полукровками, и хотя лично у Норрека против них ничего не было, вид группы не внушал желания присесть рядом с ними.

Миленькое местечко, здесь приходится присматривать за своим тылом, даже кувырка-ясь со служанкой! – Да, Сэдан Трист наверняка бы выдал шуточку вроде этой. Трист, конечно, шлепнулся бы на лавку рядом со всяким, кто предложил ему промочить горло.

Но Сэдан мертв.

– Закрой дверь или убирайся! – прорычал один из сидящих поблизости.

Норрек, не желая нарываться на конфликт, повиновался. Заставляя себя делать вид, будто он только что прибыл сюда, усталый боец вскинул повыше голову и энергично пересек комнату. Тело кричало от боли при каждом движении, но об этом никто не должен был узнать. Дай этим головорезам хоть малейший намек на свою слабость, и они наверняка не постыдятся воспользоваться ею.

Он подошел к человеку, про которого решил, что тот – хозяин гостиницы. Это был весьма упитанный великан, стоящий за потертой исцарапанной стойкой, пугающий больше, чем его клиенты. Из-под старой дорожной шапки торчали патлы сально-каштановых волос. С круглой собачьей морды смотрели крохотные бусинки глаз. Едва войдя в комнату, Норрек почувствовал специфический запах, и теперь понял, от кого, собственно, он исходит.

Если бы он был уверен, что доспехи позволят ему уйти, Норрек прошел бы мимо, несмотря на все свои нужды.

– Чего тебе? – буркнул, наконец, трактирщик, почесывая свое непомерное брюхо.

Рубаху его украшали узоры, сложенные из разнообразных пятен, а прореха под мышкой добавляла элегантности.

– Мне нужна еда. – Ее Норрек должен был получить немедленно.

– А мне нужны деньги.

Деньги. Отчаявшийся солдат едва сдерживал нарастающее разочарование. Они тоже остались там, рядом с окровавленными телами его товарищей.

Внезапно левая рука сама собой метнулась вперед и латная перчатка с такой силой хлопнула по стойке, что трактирщик подпрыгнул. Сидящие за столами люди вскочили на ноги, кое-кто потянулся к оружию.

Перчатка дернулась в сторону... оставляя на деревянной столешнице старую, но, несомненно, *золотую* монету.

Придя в себя, Норрек заявил:

– И комнату.

Он чувствовал, что каждая пара глаз посетителей сверлит монету. И вновь ветеран безмолвно выругал проклятые доспехи. Если они могут извлекать богатство из воздуха, то могли бы сотворить по крайней мере что-нибудь менее обращающее на себя внимание, чем золото. Он опять пожалел, что при нем нет меча или хотя бы доброго ножа.

– Мясная похлебка в горшке. – Медведеподобный гигант мотнул головой в сторону кухни. – Занимай комнату на втором этаже. Первая направо.

– Я поем там.

– Как хочешь.

Хозяин исчез на пару секунд и вернулся с миской, в которой плескалось какое-то месиво, воняющее еще хуже, чем он сам. Тем не менее, Норрек принял варево с благодарностью – муки голода стали уже невыносимыми, и, если бы ему снова предложили, солдат бы не отказался сейчас и от изувеченной бесами козы.

С миской в руке Норрек проследовал в указанную трактирщиком комнату. Поднимаясь по скрипучей лестнице, он уловил звуки начавшейся в общем зале негромкой беседы. Свободная рука сжалась в кулак. Золотая монета прочно засела в умах собравшихся внизу.

Комната оказалась в точности такой, как ветеран и ожидал, – гнетущая, мрачная, пыльная коробка с окошком до того грязным, что увидеть через стекло, что творится снаружи, совершенно не представлялось возможным. На вид кровать вот-вот развалится, а когда-то белые простыни давно и навечно превратились в серые. Единственная масляная лампа освещала небольшое пространство вокруг себя, а остальная комната была погружена во мрак.

Ни стола, ни стула не наблюдалось, и Норрек угрюмо сел на кровать, принявшись черпать ложкой из миски и отправлять содержимое в рот. Во всяком случае, на вкус похлебка оказалась менее мерзкой, чем можно было ожидать, да и выглядела достаточно свежей, чтобы по крайней мере не отравить человека насмерть.

По мере того как желудок наполнялся едой, сон все сильнее и сильнее давал о себе знать. Норрек боролся с собой ровно столько, чтобы расправиться с похлебкой, и в ту секунду, когда миска опустела, он уронил ее на пол и откинулся на спину. В глубине сознания продолжало теплиться беспокойство о людях внизу, но усталость вскоре одолела тревогу.

Едва Норрек погрузился в сон, у него начались видения.

Он видел себя, выкрикивающего приказы адовой армии разнообразных монстров, какие для его воображения были просто непостижимы. Чешуйчатые, огнедышащие, отвратительные кошмары, жаждущие крови, – крови, которую Норрек, казалось, готов им предоставить. То были демоны, но находились они полностью в его власти. Во имя него они разрушали города,

уничтожая всех жителей. Даже Преисподняя уважала силу Кровавого полководца, недаром ведь он... *Бартук*.

При этой мысли солдат дернулся и очнулся. Он никогда не станет Бартуком! Никогда море крови не станет удовлетворением его амбиций! Никогда!

И все же любая абсолютная власть имеет свою привлекательную сторону.

К счастью, внутреннюю борьбу Норрека с самим собой резко прекратил внезапный шум, разбудивший его окончательно. Моргнув, он открыл глаза и вслушался. Что это было, боец не мог точно сказать. Негромкий, едва различимый звук, отчего-то затронувший подсознание.

Вот он донесся снова, чуть слышный из-за закрытой двери. Скрип – кто-то медленно и, кажется, очень осторожно поднимается по лестнице.

Здесь, конечно, есть и другие комнаты, но вряд ли кто-нибудь из людей внизу пошел бы на такие предосторожности из вежливости и нежелания побеспокоить спящего. Если бы они топали по ступеням безо всяких раздумий, он бы ничего и не подумал. Однако опаска идущих говорила о том, что у них что-то на уме, и это «что-то» – отнюдь не забота о ближнем.

Если у усталого путешественника есть *один* золотой, наверняка у него найдется и больше...

Рука Норрека скользнула к тому месту, где положено висеть мечу. Естественно, его там не было. Это делало ветерана всецело зависимым от доспехов, а такому способу защиты он не склонен был доверять. Возможно, латы сочтут кого-нибудь из воров более подходящим для себя и позволят неприятелю легко зарезать солдата...

Скрип прекратился.

Норрек встал с кровати так тихо, как только сумел.

Одним махом выломав дверь, в комнату ворвались двое мужчин с ножами наголо и немедленно рванулись к фигуре перед ними. За парочкой влетел третий мерзавец с кривым коротким мечом в руках. Каждый из нападающих превосходил солдата ростом и весом, к тому же они обладали преимуществом, застав свою добычу в комнатухе с оконцем слишком маленьким, чтобы через него можно было бы выбраться наружу.

Боец поднял кулак, готовый заставить негодяев расплатиться...

...и вдруг оказалось, что пальцы его сжимают длинный черный меч с зубцом-крючком на конце. Рука Норрека резко опустила клинок, да так ловко, что он и его первый противник только рты раскрыли.

Лезвие вонзилось в нападающего, без труда рассекая плоть и сухожилия. На груди грабителя мгновенно, будто по волшебству, открылась зияющая рана, из которой потоком хлынула кровь, и через миг жертва осознала, что зарублена.

Наконец первый напавший рухнул на пол, и его компаньоны сообразили, что события приняли совершенно неприятный оборот. Владелец кинжала, кажется, задумал отступить, но его товарищ рванулся вперед, вознамерившись потягаться силами. Норрек мог бы предупредить бандита о глупости подобной попытки, но они уже схлестнулись в драке.

Мечи скрестились раз, другой – и это все, что доспехи позволили противнику. Когда вторгшийся в комнату грабитель занес оружие в третий раз, рука в латной перчатке резко изогнулась. Черный клинок прочертил безумный зигзаг.

Второй разбойник пошатнулся – жизнь ускользала от него через жуткую рану от горла до груди. Он уронил меч, отчаянно пытаясь предотвратить неизбежное.

Рука Норрека, будто потеряв терпение в ожидании конца, взлетела снова. Голова врага ударилась об пол, покатилась в угол и замерла – меж тем как туловище еще стояло на ногах и только начало заваливаться.

– Боги! – с трудом выдохнул солдат.

Его обучали бою, а не бойне.

Явственно осознав, что его ждет, третий бандит устремился к двери. Норрек хотел отпустить его, решив, что крови уже довольно, но доспехи сделали другой выбор, перепрыгнули через два тела и бросились в погоню.

У подножия лестницы последний из троицы попытался спрятаться за спиной хозяина гостиницы, явившегося, видимо, поинтересоваться, отчего его друзья провалили задание. Оба мужчины подняли глаза и увидели над собой темно-красную фигуру и летящее черное лезвие. Трактирщик вырвал из-за пояса непомерно длинный меч, оружие столь грозное и массивное, что Норрек на миг испугался, как бы латы не переоценили свою неуязвимость. Второй разбойник пытался продолжить бегство, но еще один бандит, внезапно выступивший из-за хозяина, толчком вернул его в драку.

Если они ожидали встретить спускающегося на лестнице, то жестоко ошиблись. Норрек обнаружил, что прыгает ногами вперед прямо на троицу – обескураженное выражение на их лицах наверняка повторяло его собственное. Двое противников ухитрились отпрянуть вовремя, но единственный выживший в стычке наверху был объят таким ужасом, что не мог пошевелиться.

Злой клинок быстро разобрался с ним, продырявив человека насквозь, выйдя из спины и немедленно вернувшись обратно.

– Справа! – прорычал великан-трактирщик. – Справа!

Второй повиновался. Норрек точно знал, что задумал вожак. Напасть с разных сторон, отвлечь внимание солдата. Тогда один из них наверняка нанесет точный удар – например, трактирщик, чье оружие вдвое длиннее своего черного собрата.

– Сейчас! – Оба человека ударили разом, один – целясь в горло Норрека, другой – в ноги, туда, где их не прикрывали доспехи.

Эти двое, очевидно, уже сражались прежде бок о бок, как Норрек когда-то с Сэданом и Фаузтином. Если бы все зависело сейчас от него одного, солдат знал, что погиб бы не сходя с места. Однако доспехи Бартука сражались с быстротой и точностью, с какими не сравнится никому из людей. Они не только отразили нападение гигантского клинка, но ухитрились приготовиться как раз вовремя, чтобы парировать удар второго разбойника. Более того, черный меч глубоко погрузился в горло бандита.

Запас решимости трактирщика внезапно иссяк, когда его товарищ упал. Все еще держа меч перед собой, он начал пятиться к двери. Латы толкнули Норрека вперед, но не торопились догнать последнего противника.

Рывком распахнув дверь, трактирщик повернулся и растворился в ночи. Теперь Норрек ожидал, что латы кинутся в погоню, но вместо этого доспехи заставили его промаршировать назад, к одному из лежащих тел. Когда Норрек опустился на колени перед трупом, черный клинок исчез и руки солдата опустели.

К его ужасу, один из пальцев перчатки погрузился в смертельную рану и вышел наружу, полностью покрывшись кровью. Двигаясь по деревянному полу, палец стал чертить красные узоры.

– *Хейят токарис!* – внезапно рявкнул рот. – *Хейят грендель!*

Затем доспехи с человеком отступили и от запекшегося узора повалил смрадный зеленоватый дым, быстро вылепляя руки, ноги – или лапы? – а также хвост и крылья. Вот показалась морда рептилии с несчетным количеством глаз, моргающих с презрением, – с презрением, миготавшим испарившимся, когда демон увидел, кто стоит перед ним.

– Кр-р-ровавы-ы-ый... – проскрежетал он. Выпученные глаза увеличились еще больше. – Кр-р-рова-вы-ы-ый?

– *Хескар, грендель! Хескар!*

Демон кивнул. Не сказав больше ни слова, монстр проследовал к открытой двери. Вдалеке Норрек услышал яростный галоп нескольких лошадей.

– *Хескар!* – снова потребовал рот.

Пресмыкающийся ускорил рысцу, покидая трактир.

Оказавшись снаружи, тварь распростерла крылья, оторвалась от земли и скрылась в ночи.

Норрек не стал размышлять о его намерениях. По команде Бартука демон отправился на охоту.

– Не делай этого, – прошептал солдат, не уверенный, слышит ли его дух, заключенный в доспехах. – Пусть он уйдет!

Латы развернули его к первому труп.

– Проклятие! Пусть живет! Он того не стоит!

Очевидно, не внявшие его мольбам, доспехи вновь заставили его склониться над телом. Рука, прежде погружавшая в рану один палец, теперь вонзилась туда полностью, купая в крови всю ладонь.

Снаружи неистово закричал человек и, захрипев, умолк.

А в другой руке Норрека появилось новое оружие, на этот раз – алый кинжал, раздвоенный на конце.

Хлопанье крыльев известило о возвращении демона, но Норрек не мог повернуть шею, чтобы увидеть его. Он слышал лишь тяжелое дыхание существа и шуршание сворачивающихся кожистых перепон.

– *Несту вераки...* – Кинжал потянулся к горлу трупа. – *Несту веракуу...*

Ветеран зажмурился, молясь про себя. Он помнил достаточно о смерти своих друзей, и это давало возможность представить, что произойдет дальше. Норрек не желал видеть этого и, если бы только мог, убежал бы со всех ног.

– *Несту ханши...*

Но сейчас он не был способен ни на что, кроме как попытаться сохранить собственные рассудок и душу.

– *Несту хантири...*

Клинок погрузился в горло бандита.

* * *

Командующий Август Злорадный вынырнул из моря подушек, оставив Галеону поживать во власти снов. Не издав ни звука, он натянул одежду и вышел из палатки.

Двое часовых во всеоружии щелкнули каблуками, не поведя даже глазом. Злорадный небрежно кивнул им.

Палаточный городок, единственный дом приверженцев командующего, простирался на запад. Несмотря на то что он был безземельным дворянином, Злорадному удалось собрать воинские силы, равных которым не сыщешь в Западных Королевствах. Он служил за деньги любому правителю, зарабатывая на свои честолюбивые стремления. Однако настал час, когда он поклялся, что никогда больше не подчинится никому другому и что он, Август Злорадный, станет хозяином не только какого-то жалкого клочка земли.

Глаза командующего обратились на юг, на безбрежную пустыню Аранох. Иногда он чувствовал, что его влечет туда, влечет к чему-то большему, чем к потрясающей добыче в виде богатого деньгами, спиртным и женщинами города Лут Голейн, лежащего неподалеку. Лут Голейн, несмотря на свою близость к пустыне, граничил с Морями-Близнецами. Поэтому, а также благодаря плодородным землям, на которых оно стояло, государство процветало. Несколько раз мечтатели-завоеватели пытались пополнить свои сундуки богатствами города, но каждый раз набег оборачивался полным разгромом. Лут Голейн был не только хорошо укреплен, его, по-видимому, защищала магия. В сущности, Злорадный полагал, что магия эта не что иное, как прямое колдовство. Нечто присматривало за городом.

И это «нечто» сейчас как никогда мучило командира. Каким-то образом оно связано с его стремлением завладеть и полностью присвоить себе наследство Бартука. Мысли Злорадного сами собой то и дело возвращались к этому.

– Скоро, – прошептал он самому себе. – Скоро...

И что ты станешь делать с этим наследством? – внезапно зазвенело в голове. – *Подражать Бартуку, копировать его? Повторять не только его победы, но и ошибки?*

– Нет...

Он так не поступит. Несмотря на силу и власть Полководца, несмотря на его войско демонов, у Бартука был один недостаток, простить который командующий не может. Бартук не был профессиональным воином. Мифический Кровавый полководец, притча во языцех, в первую очередь был магом. Чародеев, конечно, можно использовать, особенно Галеону, но они слишком непостоянны и слишком многое пытаются решить с помощью своего искусства. Истинный командир всегда будет внимателен к происходящему на поле боя, ко всем предсказуемым и внезапным поворотам сражения. Именно это частично и было причиной того, почему Август Злорадный не мог достичь настоящего умения и развить собственные колдовские способности; его истинной страстью оставалась военная карьера.

Но с доспехами и магией Бартука ты сможешь стать могущественнее, чем он. Будешь отличным сплавом солдата и волшебника! Ты станешь больше, чем Бартук, ты затмишь его...

– Да-а-а-а... да-а-а-а...

Командующему рисовался его образ, навсегда запечатленный в сердцах и умах тех, кому предстоит жить в будущем. Командующий Август Злорадный, правитель *мира*.

И даже демоны склонятся перед тобой и назовут повелителем.

Демоны. Да, вместе с доспехами наверняка придет и способность вызывать демонов. Все сны, явившиеся ему с той поры, как он впервые надел шлем, указывали на это. Воссоединить шлем с латами – и магическая броня даст ему могущество.

Латы... Он нахмурился. Ему нужны латы!

И дурак, надевший их.

Злорадный отыщет наглеца, этого безмозглого мерзавца, и сдерет с него доспехи кусок за куском. А потом удостоит кретина чести стать первым, умершим от рук нового Кровавого полководца.

Да, командующий сделает смерть жалкого идиота запоминающейся!

Август Злорадный шел, мечтая о грядущей славе, мечтая о том, что сделает с темными силами, обладателем которых скоро станет. Но, шагая и мечтая, он продолжал дотошно осматривать лагерь, ибо хороший командир всегда наблюдает, чтобы быть уверенным, что среди его войск не распространились небрежность и неопрятность. Завоеванные империи рушились из-за того, что упускались подобные мелочи.

И все же, отмечая, с каким тщанием преданные ему воины исполняют свои обязанности, Злорадный упустил из виду тень, не повинующуюся дрожанию трепетных факелов. И еще он не заметил, что эта самостоятельная тень неотступно следует за ним, нашептывая военачальнику то, что он считал собственными мыслями, собственными вопросами. Собственными мечтами.

Тень демона Ксазакса свернула к шатру Галеоны, более чем удовлетворенная сегодняшней ночной работой. Эта женщина обладает кое-какими интересными возможностями, которыми можно воспользоваться. Призрачному существу давным-давно открылось, что доспехи Бартука никогда не примут настоящего демона как своего хозяина, поскольку, хоть Полководец и пришел к вере в дороги Преисподней, он также пронес по всей своей жизни полное недоверие к кому-либо, кроме себя. Нет, если дух Бартука остался хотя бы в части древних лат, он потребует более восприимчивого, поддающегося управлению человека, пусть их тела и непрочны, и недолговечны.

Командир жаждет играть Полководца. Это отлично подходило Ксазаксу. У ведьмы свои цели, но стоит отыскать *преемника* Кровавого Бартука – и властелин Ксазакса, Белиал, вознаградит своего покорного слугу за такую находку. Не то чтобы война в Преисподней против Азмодана была несправедливой, но тревожные слухи проникли даже туда – один из великих воплощений зла Дьябло совершил побег из своей тюрьмы. Если так, то он будет искать способы освободить своих братьев Баала и Мефисто, а потом они решат вернуть троны, отобрав их у Азмодана и Белиала. И эта троица не станет цацкаться с демонами, столь преданно служившими их мятежным помощникам. Если падет Белиал, падет и Ксазакс...

– Чем это ты занимался?

Тень замерла, едва скользнув в жилище колдуньи.

– У этого слишком много работы, и этот не может вечно бежать, когда ты поманишь или позовешь, человечек Галеона... – Демон издал треск, который мог бы произвести песчаный маггот, сокрушающий добычу жвалами. – Кроме того, ты спала...

– Не так уж глубоко, чтобы не почувствовать в воздухе твою магию. Ты же обещал, что не будешь разбрасывать тут заклинания. Август кое-что умеет; он мог заметить и заподозрить, что это я!

– Здесь нет опасности.

– Я спрашиваю вновь, демон! Что ты делал?

– Немного изучил шлем, – солгал Ксазакс, перемещаясь в другую половину палатки. – Искал нашего дурня, не сознающего, что носит...

Гнев женщины сменился интересом:

– И ты определил, где он? Если бы я могла рассказать Злорадному больше...

Демон хихикнул, звук резанул по ушам, как гудение разъяренной пчелы, угодившей в кувшин.

– Как, разве мы не договорились, что доспехи никогда не станут его?

– Идиот, шлем все еще у него, и пока мы ищем латы, Август нужен нам!

– Правда, – задумался демон. – Эти узы засели глубоко... этот сказал бы – это *кровные* узы.

Подбородок женщины вздернулся, когда она откинула волосы назад – признак того, что ведьма рассердилась всерьез, Ксазакс давно понял это.

– И что же *это* означает?

Тень не колыхнулась.

– Этот просто хотел пошутить, колдунья. Просто пошутить. Мы говорили о вещах, касающихся Бартука, не так ли?

– Демон с чувством юмора. – Галеона не выглядела позабавленной. – Прекрасно, оставляю тебе шутки, а ты оставь мне Августа.

– Этот не собирается занять твоё место в генеральской постели...

Ведьма одарила тень испепеляющим взглядом и покинула шатер. Ксазакс знал, что она отправилась на поиски Злорадного, чтобы упрочить свое влияние на него. Демон уважал ее способности в этом смысле, хотя и был уверен, что в схватке между Галеоной и им самим ведьма, несомненно, проиграет. В конце концов, она всего лишь смертная, а не какой-нибудь мерзкий ангел. Будь она крылатой небожительницей, Ксазакс беспокоился бы больше. Ангелы коварны, они действуют исподтишка, подстраивая всякие шуточки, вместо того чтобы встретиться с неприятелем лицом к лицу.

Тень демона попятилась, прячась в самом темном углу. Никакие ангелы не проникают так далеко, но Ксазакс намерен был оставаться начеку. Если покажется хоть один, он поприветствует его когтями и медленно распотрошит, обрывая конечности по одной, наслаждаясь сладкозвучной песней его воплей.

– Идите ко мне, если осмелитесь, ангелы, – прошептал он тьме. – Этот встретит вас распростертыми объятиями... а также зубами и когтями!

Скудный огонек единственной масляной лампы внезапно вспыхнул, на краткий миг озарив палатку Галеоны, сделав ее куда светлее, чем обычно. Непривыкшая к такому тень зашипела и скорчилась. Гигантский силуэт изумрудно-малинового насекомого на мгновение стал ясно виден и тут же расплылся вновь – пламя потускнело.

Ксазакс свирепо фыркнул, радуясь, что Галеона не была свидетелем его реакции. Масляные лампы частенько вспыхивают; земная природа просто застала его врасплох. Тем не менее, тень демона вжалась поглубже в уютный уголок шатра, оплот его безопасности. Здесь он свободно может использовать свою силу для поисков человека, носящего доспехи Бартука.

И здесь куда лучше следить за трусливыми ангелами.

Глава 5

Ворчащие грозовые тучи сделали день черным как ночь, но Норрек едва ли заметил это. Его разум все еще находился во власти ужасных событий прошлого вечера и собственного участия в них. Вот и еще несколько людей погибли жуткой смертью из-за проклятого золота, на поиски которого отправился Норрек; и хотя, в отличие от Сэдана и Фаузутина, эти разбойники, вероятно, заслужили кару за свои преступления, кончина их оказалась слишком уж страшной. Особенно мрачная участь постигла трактирщика – возвратившийся демон принес чересчур много доказательств тщательно выполненной работы. Норрек мог лишь благодарить неизвестно кого за то, что адская тварь удалилась в свою грань бытия, забрав отвратительные трофеи.

Это, однако, не дало Норреку возможности предотвратить дальнейшие чудовищные действия доспехов. Шагая, отчаявшийся боец пытался не смотреть вниз, на латы, покрытые толстым слоем запекшейся крови. Хуже того, Норрек каждую секунду тревожился, что и на лице его еще осталась кровь, несмотря на все попытки стереть ее. Слишком уж усердно доспехи выполняли грязную работу.

И пока он боролся с ужасными мыслями, латы безостановочно толкали его на запад. Вновь и вновь рокотал гром, завывал ветер, но доспехи все шагали и шагали. Норрек не сомневался, что они продолжают двигаться, даже когда гроза наконец разразится.

По крайней мере, судьба оказала ему одно небольшое благоволение в виде старого, запыленного дорожного плаща, висевшего на колышке в общей комнате гостиницы. Судя по размеру, он принадлежал трактирщику, хозяину воров, но Норрек старался не думать об этом. Плащ практически полностью скрывал латы и давал хоть какую-то защиту от дождя. Да, не бог весть какая милость, но и за нее он был искренне благодарен.

Чем дальше он продвигался на запад, тем больше менялся ландшафт: горы уступали место холмам и даже равнинам. А чем ниже лежала земля, тем теплее становилось вокруг. Появилась буйная растительность, все больше и больше напоминающая густые джунгли, которые, как знал ветеран, простирались дальше к югу.

В первый раз за все время Норрек почувствовал запах моря. Насколько он помнил карты, не раз изученные им и его спутниками, северные лагуны Морей-Близнецов должны были быть недалеко отсюда. Сперва Норрек надеялся встретить на юго-западе кого-нибудь из Визджерей, но также подозревал, что у треклятых доспехов свой план на уме. На краткий миг у Норрека родился страх, что латы, оказавшись на берегу моря, могут пойти напрямик по дну, затаскивая его, беспомощного, в чернильные глубины. Однако пока доспехи сохраняли его, если и не вполне здоровым, то, по крайней мере, живым. Очевидно, он нужен им, чтобы достичь своих загадочных целей.

А что потом?

Ветер продолжал усиливаться, едва не сбивая Норрека с ног, несмотря на твердое намерение чертовых доспехов держать курс. Ни капли дождя еще не упало, но воздух уплотнился и стал влажным, кое-где появился туман. Впереди почти ничего невозможно стало разглядеть, и хотя это вроде бы совершенно не интересовало латы, теперь Норрек всерьез испугался, что они заведут его на край утеса, даже не осознавая этого.

В полдень – впрочем, это вполне могла быть и полночь, поскольку солнце потерпело полное поражение в борьбе с покровом туч, – повинуясь невразумительным словам, произнесенным против собственного желания ртом Норрека, вновь явились бесы. Даже несмотря на густую пелену тумана, им потребовалось всего несколько минут, чтобы принести добычу, на этот раз лань. Норрек наелся от пуза, а затем с радостью позволил маленьким рогатым демонам утащить остаток туши в Преисподнюю.

Он шел и шел, продираясь сквозь заросли, и запах моря становился все явственнее. Норрек почти ничего не видел перед собой, но чувствовал, что цель похода демонических доспехов близка.

Словно прочитав его мысли, из тумана внезапно возникло здание... а следом еще и еще. Одновременно вдалеке послышались голоса, голоса людей, занятых тяжелой работой.

Руки в мгновение ока опять стали слушаться Норрека, и измотанный путник потуже завернулся в плащ. Чем меньше зевак увидят, что скрывается под ним, тем лучше.

Бредя по городу, Норрек вдалеке заметил неотчетливый, но огромный силуэт. Корабль. Интересно, прибыло ли судно только что или как раз готовится к отплытию? Если последнее, то, вполне вероятно, доспехи наконец-то достигли своей цели. Зачем же еще его привели именно сюда?

С противоположной стороны к кораблю приближалась фигура в одежде моряка со свертком под мышкой. Черты его лица и глаза чем-то напоминали Фаузтина, но были отмечены несколько большей живостью.

– Эй, путешественник! Что-то не слишком хороший денек для прогулки, ага?

– Да. – Норрек прошел бы мимо человека, не сказав больше ни слова, опасаясь, что матрос может стать следующей жертвой доспехов, но ноги его внезапно остановились.

Тогда и моряк задержался. Все еще усмехаясь, он спросил:

– Ты откуда родом, приятель? На вид вроде с запада, хотя из-за твоей щетины сложно сказать.

– Да, с запада, – ответил солдат. – Я был... я совершал паломничество.

– В горы? Ну и кого ты там нашел кроме пары коз? – Норрек попытался пошевелить ногами, но они не сдвинулись с места. Латы чего-то ждали от него, но не показывали, чего именно. Мысли скакали быстро и яростно. Он прибыл в город с гаванью, куда доспехи целенаправленно привели его. Норрек уже предположил, что им нужно уплыть куда-то, возможно даже на этом корабле... Корабль.

Показывая в сторону мрачной громады, Норрек спросил:

– Это судно – оно скоро отходит? – Моряк повернул голову.

– «Наполис»-то? Эта посудина только что пришла. Обрато отправится через два, а то и пять дней. Готовится к отплытию только «Ястребиный огонь», это как раз по пути. – Он ткнул пальцем на юг, потом наклонился поближе – слишком близко, по мнению озабоченного Норрека, – и добавил: – Хочу предупредить кой о чем. «Ястребиный огонь» – плохое судно. Не сегодня-завтра эта скорлупка окажется на дне, помани мои слова. Лучше подождать «Наполис» или мою малышку «Одиссею», хотя это займет неделю, а то и больше. Нам нужен небольшой ремонт.

Ноги по-прежнему не двигались. Чего еще хотят латы?

Определенности?

– А не скажешь ли, куда направляются корабли?

– Мой в Лут Голейн, но, как я уже сказал, выступим мы не скоро. «Наполис» следует в Кингспорт, путешествие долгое, зато в твои Западные Королевства, а? Доберешься домой быстрее, чем пешком! Это как раз для тебя, так?

Никаких изменений Норрек у себя не заметил.

– А как насчет «Ястребиного огня»?

– Отходит, думаю, завтра утром, но я тебя предупреждал. Недалек тот час, когда эта шлюпка просто не доползет до Лут Голейна!

Внезапно ноги солдата ожили. Доспехи наконец узнали, что хотели. Норрек поспешно кивнул матросу:

– Спасибо.

– Ты учти, приятель! – крикнул уже вслед моряк. – Лучше подождать!

Доспехи провели Норрека через маленький городок, направляясь к южной части гавани. Матросы и местные жители глазели на него – выходцы с запада попадались здесь нечасто, – но никто ничего не сказал. В крохотном городишке порт наверняка представлял собой средоточие деловой жизни. Норрек размышлял, стала бы гавань выглядеть более впечатляюще при солнечном свете, но сомневался, что ему когда-нибудь представится возможность увидеть ее такой.

Добравшись наконец до южной окраины порта, ветеран ощутил какое-то беспокойство. По сравнению с тем, что Норрек видел до сих пор, этот участок выглядел ветхим, а несколько замеченных фигур показались ему такими же отвратительными, как те несчастные дураки, пытавшиеся ограбить его.

Наихудшим же здесь было то единственное судно, которое треклятые латы выбрали для путешествия.

Если бы какой-то темный дух извлек давно затонувший корабль из недр морских, а потом потерпел неудачу в не слишком-то скрупулезной попытке придать ему хоть сколько-то приличный вид, – даже тогда корабль не выглядел бы так зловеще, как «Ястребиный огонь», представший перед глазами Норрека. Три мачты торчали как долговязые скелеты часовых, полуобернутые в саваны-паруса. Резную фигуру на носу когда-то, вероятно, представлявшую собой соблазнительную русалку, так истрепали стихии, что теперь она напоминала уродливого хохочущего водяного. Что до самого корпуса, то его деревянную обшивку покрывали застарелые смоляные пятна и шрамы зарубок. Это заставило Норрека задуматься, не участвовал ли корабль в своем давнем ярком прошлом в войне или, что более вероятно, не ходил ли он под пиратским флагом.

Экипажа видно не было, лишь на баке стояла одинокая сухопарая фигура в мундире. Несмотря на свою неуверенность в безопасности такого путешествия, Норреку приходилось делать то, что требовали от него доспехи. Не медля, они провели своего бедолагу-носителя по сходням к изможденной костлявой фигуре.

– Чего надо?

Скелет оказался пожилым мужчиной с пергаментной кожей, совершенно лишенным плоти под этой тонкой оболочкой жизни. Один глаз невидяще уставился в какую-то точку слева от Норрека, в то время как второй, налитый кровью, подозрительно озирал пришельца.

– Место пассажира в рейсе к Лут Голейну, – ответил Норрек, пытаясь покончить с этим делом как можно быстрее.

Если он будет покорно сотрудничать, то, возможно, доспехи Полководца дадут ему немного свободы передвижений.

– В порту стоят другие корабли! – буркнул капитан с сильным акцентом. Его белые как древняя кость волосы под широкополой шляпой сходились в косицу. Выгоревший зеленый мундир, китель морского офицера одного из Западных Королевств, вероятно, сменил нескольких владельцев, прежде чем достаться нынешнему. – Нет время на пассажир!

Стараясь не обращать внимания на зловонное дыхание грубияна, Норрек придвинулся ближе:

– Я хорошо заплачу.

Поведение капитана мгновенно изменилось.

– Ну?

Доверившись латам – не подвели же они его (хотя как сказать...) на постоялом дворе, солдат продолжил:

– Все, что мне нужно, – это каюта и еда. Если во время путешествия меня никто не потревожит – тем лучше. Просто доставьте меня в Лут Голейн.

Смертельно-бледная фигура изучала его.

– Латы? – Капитан потер подбородок. – Офицер?

– Да.

Пусть думает, что Норрек дезертир в бегах. Наверное, это повысит цену, зато капитан будет больше доверять ему. Ясно, что Норреку необходимо убраться отсюда.

Старик почесал заостренный подбородок. Норрек заметил татуировку на худом запястье, прячущуюся в широком рукаве кителя. Уверенность в том, что корабль флибустьерский, упрочилась.

– Двенадцать драхлин! Спать один; есть один, говорить с экипажем мало! Покинуть корабль по прибытии!

Норрек был согласен со всем, кроме цены. Как соотносятся драхлины с деньгами его земли?

Впрочем, тревожиться не о чем. Левая рука разжалась, обнаружив на ладони в перчатке несколько монет. Капитан жадно зыркнул на них и сгреб все разом. Прикусив одну и удостоверившись в подлинности, он ссыпал деньги в потрепанный мешочек на своем поясе.

– Идем!

Он проковылял мимо Норрека, только что обнаружившего, что левая нога капитана закреплена в лубке – двух дощечках, тянущихся от бедра до самого сапога. Судя по перевязке и собственному опыту полевой хирургии, ветеран подозревал, что его «гостеприимный» хозяин без этой шины даже стоять бы не смог. Капитану надо бы получше следить за ногой (да и не только), но бинты и лубок выглядели так, словно их когда-то давно наложили, а потом просто забыли.

Сколько бы ни составляла сумма в двенадцать драхлин на земле Норрека, первый же взгляд на каюту дал ему понять, что с него содрали втридорога. Даже комната в трактире выглядела намного уютнее этой каморки. Размерами она едва ли превосходила чулан, а единственным удобством была лишь шаткая койка, одним краем прибитая к дальней переборке. Простыни, все в пятнах, выглядели словно куски материи, наспех оторванной от парусов, такие они были грязные и грубые. В каюте воняло тухлой рыбой, а на полу были заметны следы насилия. В углах под потолком висела ажурная паутина, трепещущая на сквозняке, тянущемся из открытой двери и щелей в полу, обрамленных зеленоватым мхом.

Зная, что выбора у него нет, Норрек постарался скрыть отвращение.

– Благодарю, капитан...

– Каско, – фыркнул скелет. – Внутри! Еда по склянкам! Понимать?

– Да.

Коротко кивнув, капитан Каско оставил пассажира обустраиваться. Вняв совету, Норрек закрыл дверь и сел на сомнительное ложе. Неприятностей добавляло и то, что в каюте не было даже иллюминатора, а значит, облегчения от зловония не будет.

Он пошевелил руками, потом проверил ноги. Похоже, за сотрудничество он удостоился свободы движений, только вот надолго ли? Норрек полагал, что на «Ястребином огне» доспехи не доставят ему много неудобств. Чего им было ожидать – разве только что Норрек шагнет за борт и погрузится на дно морское? Хотя проблемы и множились, он не собирался пока сводить счеты с жизнью, особенно таким ужасным способом. Кроме того, Норрек сомневался, что ему удастся даже это, – доспехам он все еще нужен живым.

Не придумав, чем занять время, он решил попробовать уснуть. Несмотря на вонь – а возможно, именно из-за нее, – Норрек ухитрился задремать. К несчастью, его сны вновь оказались пугающими, ибо большей частью они даже не были его собственными.

Опять он жил как Бартук, получая удовольствие от чудовищных спектаклей, постановщиком которых и выступал. Поселения, не сразу признающие его господство, пали перед его неистовым гневом, а городских старейшин и всех, сделавших неправильный выбор, топили, четвертовали, заживо сдирали с них кожу – в назидание прочим. Виздэжереи, пойманные на

шпионаже, превратились в жуткие канделябры, не только освещающие покои Полководца, но заставляющие дрожать даже его демонических слуг. Бил колокол...

...выдергивая благодарного Норрека из сна. Он заморгал, наконец сообразив, что действительно уснул, а теперь склянки зовут на ужин. Хотя солдат и сомневался, что здешняя еда придется ему по вкусу, чувство голода было так велико, что Норрек не мог больше игнорировать его. Кроме того, он не хотел рисковать – ведь доспехи опять вызовут демонов, чтобы накормить его. Сложно сказать, *что* они могут посчитать съедобным...

Закутавшись в плащ, боец шагнул наружу и увидел несколько потасканных угрюмых людей, спускающихся в недра корабля. Предположив, что они тоже собираются поесть, Норрек проследовал за ними в весьма ветхую на вид кают-компанию, где и получил ломоть черствого хлеба и миску с подозрительным мясом, заставившую добром вспомнить похлебку трактирщика-грабителя.

Один взгляд на сердитую группку убедил Норрека отправиться восвояси. Поднявшись с едой на палубу, он ненадолго задержался у перил, чтобы вдохнуть немного свежего морского воздуха, прежде чем снова спуститься в духоту каюты.

Ему на глаза попалась фигура, стоящая на окутанном туманом пирсе.

Миска выскользнула из рук, варево разлилось по палубе, но Норрек не заметил этого.

Фаузтин. Даже закутанный в балахон – это мог быть только Фаузтин, и никто другой!

Мертвые глаза бывшего товарища смотрели прямо на Норрека. Даже отсюда воин видел зияющую дыру на шее визджерея.

– Дурак! – взревел за спиной Норрека Каско. – Грязь! Ты мыть сам! Помощи нет!

Ошеломленный ветеран через плечо оглянулся на сердитого капитана, затем увидел пролитую похлебку. Пара кусков мяса шлепнулась на носок сапога Бартука.

– Мыть! Помощи нет! Нет сегодня еды! – И Каско захромал дальше, бормоча на своем родном языке нечто, без сомнения, унижительное для дьявольских чужаков.

Несмотря на ярость капитана, Норрек немедленно забыл, что остался без пищи, – его взгляд поспешно вернулся к пирсу в поисках...

Никого. Никакого мертвеца, наблюдающего за ним. Призрак испарился – если он вообще когда-нибудь там был.

Руки тряслись; солдат, пошатываясь, подался назад, не помня ни о чем, кроме представшего перед ним ужасного образа почти обезглавленного Фаузтина, мертвого Фаузтина с его пустыми осуждающими глазами...

Забыв о категорическом требовании капитана Каско убрать грязь с палубы (подходящее слово для мерзкого варева), Норрек поспешил в свою каюту, захлопнул за собой дверь и не осмеливался даже вздохнуть, пока снова не рухнул на койку.

Он проиграл битву. Призрак мага – первый очевидный знак этого. Норрек проиграл битву за свой рассудок. Ужас, через который ветерану довелось пройти к проклятым доспехам, наконец, уничтожил последние преграды, защищавшие его разум. Теперь наверняка путь к полному безумию будет короток. Теперь наверняка у него нет надежды спастись.

Теперь наверняка наследство Бартука потребует не только его тело, но и душу.

* * *

Усталая Кара Ночная Тень осматривала жалкий маленький портовый городок с некоторым отвращением. Привыкшая к красоте лесных дебрей и бережно проложенным по ним тропам, она находила, что этот порт Геа Кул провонял множеством немывтых тел и слишком погряз в поклонении материальным ценностям. Как некромантка Кара понимала, что прижизненные деяния определяют существование после смерти, и считала, что оба аспекта заслуживают того,

чтобы человек подходил к ним достойно. Но в том, что она увидела здесь за несколько минут, достойного было мало.

Потребовались большие усилия, чтобы попасть сюда так быстро, усилия, измотавшие ее физически и духовно и весьма истощившие магию. Каре страшно хотелось спать, но поскольку она не вполне понимала, почему оказалась именно здесь, ей нужно было хотя бы осмотреть территорию, и тогда ответы, возможно, найдутся сами собой.

После исчезновения доспехов Кровавого полководца, бесценного кинжала и двух трупов юная некромантка воспользовалась всем своим умением, чтобы суметь определить хотя бы местонахождение всего вышеперечисленного, – и вот она здесь, в этом более чем скромном городишке. Как связаны порт и исчезнувшие вещи, Кара сказать не могла, но ничего хорошего это явно не предвещало. Девушка с удовольствием прибегла к помощи своих учителей, но время не ждало, и ее наставляли всегда и во всем полагаться на себя. Медлить было нельзя, иначе могут возникнуть трудности с отслеживанием путей, а этого она себе позволить не могла. Если воры намереваются увезти латы за море, она должна остановить их немедленно.

А что до возродившихся мертвецов-мстителей... она понятия не имела, что делать с этой беспокойной парочкой. Их действия не имеют ничего общего с тем, чему ее учили.

Игнорируя липкие взгляды матросов, Кара направилась в первую же обнаруженную гостиницу. Черноволосая некромантка рассчитывала поесть и собрать полезную информацию. Наверняка те, кто похитил доспехи Бартука, тоже не прочь выпить и закусить после столь тяжелого путешествия.

«Капитанская кухня», так именовалась гостиница, оказалась немного лучше, чем можно было ожидать. Хотя здание выглядело старым и обветшалым, седовласый хозяин поддерживал тут чистоту и порядок. Кара тотчас поняла, что он когда-то служил морским офицером, а черты его лица указывали на выходца из Западных Королевств. Обычно любезный, этот гигант с пышными бакенбардами не спорил с клиентами, возмнившими, что могут уйти, не заплатив. Несмотря на преклонный возраст, хозяин гостиницы легко разбирался с молодыми матросами, не только возвращая причитающиеся ему деньги, но и вышвыривая наглецов вон.

Именно это он и проделал только что. Вытирая руки о передник, владелец заметил новую гостью.

– Добрый вечер, миледи. – Он низко поклонился, несмотря на свою необъятную талию, и лицо его засветилось при виде девушки. – Капитан Ханс Джероннан, ваш покорный слуга. Своим появлением вы украсите мое заведение.

Непривычная к столь открытой лестности, Кара не нашла что ответить. Однако капитан Джероннан, очевидно, осознавший, что обескуражил ее, терпеливо ждал, когда гостья придет в себя.

– Спасибо, капитан, – наконец проговорила она. – Я бы хотела поесть и получить ответы на некоторые вопросы, если у вас, конечно, найдется время.

– Для вас, милая крошка, время у меня всегда найдется!

И он удалился, гудя что-то про себя. Кара почувствовала, что краснеет. Капитан Джероннан, несомненно, сыпал комплиментами без каких-либо далеко идущих намерений, но никакая подготовка темных магов не могла научить девушку тому, как принимать любезности при ее внешности. Кара знала, что некоторые собраты находят ее привлекательной, но среди последователей Ратмы внимание было простой формальностью.

Присев в боковой нише, Кара оглядела других посетителей. Большинство ели и пили, но кое у кого на уме было явно другое. Женщина в вопиюще-скандальном платье наклонилась к матросу – похоже, договаривались о цене. Справа двое мужчин торговались, бубня что-то на незнакомом некромантском языке. Некоторые пялились на нее с нескрываемым интересом, совершенно бестактно, не то что капитан Джероннан. Один, слишком уж, по мнению девушки,

засмотревшийся, получил в ответ ледяной взгляд ее серебристых глаз. Заметно дрожа, мужчина быстро отвернулся и с головой ушел в выпивку.

Трактирщик вернулся с блюдом жареной рыбы и каких-то морских овощей. Поставил его и кружку перед девушкой.

– Это сидр. Самый слабенький напиток, который у меня нашелся, миледи.

Кара намеревалась рассказать ему кое-что о крепких травяных настоях последователей Ратмы, но предпочла снисходительно принять легкий напиток. Она взглянула на рыбу со специями, источающую весьма соблазнительный аромат. Конечно, Каре тут же страшно захотелось немедленно съесть ее. Но все же неплохо было бы узнать, во что это ей обойдется.

– Сколько с меня?

– Единственная плата – ваша компания.

Девушка разозлилась – она вспомнила о женщине, увивающейся вокруг одного из посетителей.

– Я не...

Хозяин глубоко огорчился:

– Нет, нет! Просто не так уж часто ко мне заглядывают прекрасные посетительницы. Я только имел в виду, что посижу здесь и отвечу на ваши вопросы, миледи! Ничего плохого... – Джероннан придвинулся поближе, нагнулся и прошептал: – И я прекрасно знаю, что значит надоедать тому, кто следует путями Ратмы!

– Вы знаете, кто я, и все же жаждете посидеть со мной?

– Миледи, я избороздил все моря и весь Великий Океан. Я видел много колдовства, но магами, которым всегда можно доверять, были и остаются приверженцы Ратмы...

Девушка, слегка улыбнувшись, пристально взглянула на трактирщика, и этого оказалось достаточно, чтобы его и без того румяные щеки вспыхнули маковым цветом.

– Тогда, возможно, вы тот человек, которому я могу доверить свои вопросы.

Капитан выпрямился.

– Только после того, как вы отведаете моих блюд и выскажете свое положительное мнение.

Кара отрезала маленький кусочек рыбы и осторожно попробовала его. После чего немедленно отрезала второй и отправила его вслед за первым.

Джероннан просиял:

– Вам понравилось?

И правда – понравилось. Восточные леса даруют множество чудесных приправ, но никогда еще девушка не ела такой рыбы. Кара расправилась с солидной порцией куда быстрее, чем ожидала, и наконец-то снова почувствовала себя человеком.

Капитан Джероннан извинился и занялся другими посетителями, но к тому времени, как прекрасная незнакомка поужинала, посетителей осталось всего лишь двое – парочка суровых на вид моряков, очевидно, слишком уставших, чтобы заниматься чем-то еще, кроме прихлебывания эля и поглощения пищи. Трактирщик уселся за стол напротив Кары и застыл в ожидании.

– Меня зовут Кара Ночная Тень, – начала она. – Вы знаете, кто я?

– Еще бы! Но я никогда не видел никого столь привлекательного, госпожа.

Кара пропустила очередной комплимент мимо ушей, не желая сворачивать на окольный путь любезностей.

– Капитан, не заметили ли вы здесь кого-нибудь необычного?

Он хмыкнул:

– В Геа Куле? Здесь было бы необычно встретить кого-нибудь обычного!

– А как насчет... как насчет человека, путешествующего с доспехами, возможно, привязанными к спине вьючного животного? – Кара сделала паузу перед следующим предположением. – Или просто человека в доспехах?

– У нас тут встречаются солдаты. Не так уж и редко.

– В темно-красной броне?

Джероннан нахмурился:

– Я бы помнил... но нет. Таких не было.

Это была отчаянная надежда. Кара хотела задать другой, более конкретный вопрос, но испугалась, что тогда поведение капитана перестанет быть непринужденным. Может, он и знаком с такими, как она, но некоторые темы могут оказаться слишком пугающими даже для него. Ходячие трупы – наверняка одна из таких тем.

Кара открыла рот, собираясь переменить тему, но с губ ее слетели не слова, а долгий зев.

Хозяин встрепенулся:

– Простите за грубость и непонятливость, миледи, но выглядите вы куда бледнее, чем, вероятно, обычно. Думаю, вам надо хорошенько отдохнуть.

Она хотела разубедить его, но только снова зевнула.

– Возможно, вы и правы.

– У меня есть пара свободных комнат, госпожа. Для вас – бесплатно, и не возражайте, пусть это вас даже не беспокоит.

– Я заплачу. – Кара извлекла несколько монет из мешочка на поясе. – Этого хватит?

Большую часть он вернул ей:

– Хватит и столько... и неставляйте напоказ свои деньги. Не у всех тут такая добрая душа, как у меня.

Некромантка едва могла пошевелиться. Ноги будто свинцом налились. Заклинания, которые она призвала для скорейшего перемещения сюда, почти исчерпали ее темную магию.

– Думаю, я сейчас же отправлюсь спать, если вы простите мой уход.

– Дайте мне еще несколько минут, госпожа. Боюсь, мои помощники еще не подготовили комнату. Просто оставайтесь здесь, я скоро вернусь!

Он исчез прежде, чем девушка успела возразить. Кара потянулась, стараясь не задремать. Заклинания и физические нагрузки вымотали ее, но усталость казалась куда более тяжелой, чем обычно, даже учитывая потраченные силы. Она начала подозревать...

Оперевшись на стол, она поднялась на ноги, одновременно поворачиваясь к дверям. Возможно, Кара ошиблась в капитане Хансе Джероннани. Возможно, у его обходительных манер есть оборотная сторона.

Тревожась о том, что мысли ее путаются, некромантка, пошатываясь, направилась к выходу, совершенно не заботясь о том, что подумают два матроса в углу. Когда она окажется снаружи, то, возможно, в мозгах у нее прояснится и она все обдумает заново. Да, несмотря на гнусную вонь порта, морской воздух, без сомнения, поможет вернуть равновесие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.